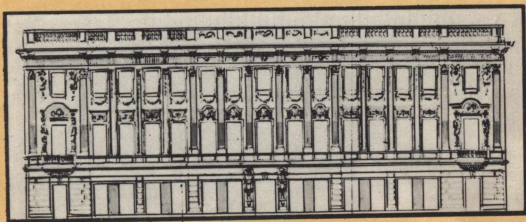

И. А. Желвакова

Улица Горького, 14

Этот дворец был построен в конце XVIII столетия М. Ф. Казаковым и представлялся современникам одним из самых больших и красивых. По его мраморной лестнице не раз взбегал Пушкин, чтобы быть в обществе царственнейшей из женщин, хозяйки самого блестящего в Москве литературного салона. Чего только не видел этот дом, чему не был свидетелем, с кем не соседствовал, с кем не встречался! «Все побывали тут...» Время не стояло, но дом стоял, всеми своими корнями, всем фундаментом своим вросший в Тверскую улицу, закрепив то (по слову Герцена) «очерченное, расчищенное» для него место, которое предназначалось только ему одному.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

И. А. Желвакова

Улица Горького, 14

**Московский рабочий
1987**

Рецензенты:

доктор архитектуры профессор А. Э. Гутнов,
кандидат исторических наук Н. Я. Эйдельман

Желвакова И. А.

Ж50 Улица Горького, 14: Путеводитель.— М.: Моск. рабочий, 1987.— 62 с., ил.— (Биография московского дома).

Книга знакомит с историей дома № 14, расположенного на улице Горького. Здание построено знаменитым М. Ф. Казаковым, оно имеет богатую литературную биографию. Салон З. А. Волконской, «царицы муз и красоты», посещали А. С. Пушкин и польский поэт А. Мицкевич, Е. А. Баратынский и А. А. Дельвиг, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев, другие деятели русской культуры. Эти стены помнят также Л. В. Собинова, Ф. И. Шаляпина, А. М. Горького.

В 1935—1936 годах здесь жил писатель Николай Островский. Квартира его стала впоследствии музеем.

Дом примечателен и магазином, находящимся на первом этаже и широко известным под названием елисейского.

Ж $\frac{1905040100-152}{M172(03)-87}$ 132—87

63.3(2)л6
9(С—М)

ФОРМУЛА БЫТИЯ (ВМЕСТО ПРОЛОГА)

Поэзия с торговлей рядом...

П. А. Вяземский

«Написать бы дневник домов!»¹ — счастливая, плодотворная мысль (смогла бы «организовать» не одну книгу в представляемой серии), проступившая сквозь память поэта о домах и кварталах его детства — «сквозь Замоскворечье моего детства»².

В самом деле, написать бы дневник дома!

Горького, 14,— Тверская, 40,— Тверская часть, владение 447,— лучшего и характернейшего примера для Москвы, пожалуй, и не найти. Дом-лидер, он почти во все времена оставался первым. В начале XIX столетия — дворец, построенный первейшим русским архитектором, представлявшийся современникам одним из самых больших и красивых. По его мраморной лестнице не раз взбегал первый поэт России, чтобы быть в обществе царственнейшей из женщин, хозяйки самого блестящего в Москве литературного салона.

В начале нового века — торговый дом-магазин колониальных товаров, ошеломивший невиданной роскошью приехавших ко многому москвичей. И теперь, почти на рубеже XXI века, попробуйте спросить у москвича: «Где елисеевский?» — и редкий вам не ответит, не покажет гастроном № 1. Иной даже, отвлечшись от будничности суеты, припомнит, быть может с детства знакомое, некрасовское,

¹ Вознесенский А. Прорабы духа.— Литературная газета, 1984, 7 марта.

² Там же.

про опальную княгиню и про возок, мчащий ее от сверкающего подъезда во мрак сибирских пустынь.

Действительно, чего только дом не видел, чему не был свидетелем, с кем не соседствовал, с кем не встречался. «Все побывали тут...» Время не стояло, но дом стоял, всеми своими корнями, всем фундаментом своим вросший в Тверскую улицу, закрепив то (по слову Герцена) «очерченное, расчищенное» для него место, которое предназначалось только ему одному.

Он и преображался, как ни один из московских домов-старожил, меняя оболочку до неузнаваемости, обличье свое менял. Вдыхая воздух новых времен, расправлял свои стены, расширял окна-глазницы, открываясь навстречу улице; крушил и созидал — расчищал подвалы, сносил пристроек и сараюшки, разрастался, расплескивался на всю свободную староусадбную землю, отвергал бесцеремонно классическую строгость в угоду новомодному, излишествующему; из барского, партикулярного, жилого превращался в буржуазный, купеческий, торговый.

«Поэзия с торговлей рядом» — вот лучшая «формула бытия» дома на Тверской. Она, как увидит читатель, будет проверена долгим опытом его многотрудной и причудливой судьбы, о которой и пойдет речь в нашем рассказе.

Будет ли это дневник дома? Вряд ли. Одушевлять дома под силу лишь фантастам и поэтам. И все же автор не уйдет от искушения привести некоторые из записей, сделанных непосредственно по следам событий, — своеобразного дневника работы над книгой.

15 ноября 1984 г. Разговор с оппонентом относительно композиции этой книжки.

Историко-архитектурный архив ГлавПУ хранит своеобразные «личные дела» домов, существующих ныне или канувших в Лету. Многочисленные чертежи — воздушный батист калек — планы, разрезы; надежная плотность ватманов — ювелирная графика фасадов. Каждое вмешатель-

ство в жизнь дома — его перестройка или ремонт — отражено в доскональном прошении, неукоснительно требуемом от владельца Комиссией для строений, потом губернским правлением, еще позже городской управой.

«Дело» дома (Тверская часть № 447) — объемистая архивная папка, заключающая бумаги и чертежи лет за сто.

В непроницаемой тишине архива силюсь уследить за превращениями дома и разгадать намерения его владельцев. Кто они? Эти «кавалерственные дамы» и тайные советники, почетные граждане и гражданки... Лица бывших владельцев неясно мерещатся, расплываясь сразу же за границей архивного листа. Многие ли из них сделали дом знаменитым или же сам знаменитый дом продлил существование своим хозяевам? Стали бы мы вспоминать Малкиеля, Носова, Морозову, долее двух десятилетий (1874—1897) хозяйничавших в доме, помнившем славу храма поэзии и уже предвидевшем популярность «храма Мамона»?¹ Помянули бы мы почетную гражданку Ланину, позаботившуюся в 1890 году о починке пришедших в ветхость «висячих балконов», а заодно взявшуюся за расчистку подвального этажа для устройства там торгового помещения (идея открытия магазина в таком людном месте упорно носилась в воздухе)?

Эти размышления были прерваны внезапным вопросом моего соседа по читальному залу, оказавшегося знатоком и любителем московской архитектуры. Узнав о предмете моих разысканий, он уже заранее был неудовлетворен привычным ходом мыслей автора, берущегося за рассказ о доме на Тверской, и был не совсем не прав.

— Неужели попытаетесь вместить в столь малую книжицу только давно известное, кочующее из издания в из-

¹ Мамон — бог богатства у некоторых древних народов, символ корыстолюбия, богатства, денег.

дание? О знаменитом казаковском дворце и не менее знаменитом салоне З. Волконской, о Музее Николая Островского и конечно же вскользь о магазине, словно бы стесняясь этой «материальной» победы дома над поэзией его прошлого.

Да раскройте двери дома пошире. Об елисеевском магазине расскажите, о его новой по тем временам архитектуре, о Г. В. Барановском вспомните, о его таланте инженера, водчего, энциклопедиста, наконец, о самом Елисееве...

Поставьте тему,— не унимался мой собеседник,— не стесняйтесь. Ведь не стесняется никто называть магазин елисеевским (и это звучит очень ладно, по-московски), когда о всех других владельцах давно позабыли. В чем тут секрет? Читатель, и особенно москвич, не хочет чувствовать себя только покупателем-потребителем. Он полон интереса к этой истории. Передайте атмосферу огромного гастрономического магазина, одного из крупнейших в России. Расскажите о фирме. Когда основана? И что за товарищество такое «Братья Елисеевы», когда в Москве «правил» один только Григорий Григорьевич? Где филиалы магазина? Какой оборот был в день, в год? Заметьте притом, что это был не обычный магазин, а магазин «с подходом» к покупателю. А товар какой? Знаете ли, что Елисеевы были крупнейшими поставщиками в империю иностранных вин и всяческих заморских товаров. Но этого мало. Елисеев решил, что в магазине должно быть все. Один торгует вином, другой промышляет гастрономией. А у этого все. Вот вам и предшественник универсамов, первая ласточка, так сказать.

Разговор с оппонентом, приверженцем архитектуры модерн, не поколебал моих классических пристрастий к веку поэзии и ампира, но во многом меня убедил. Так определились масштаб и соотношение материалов в рассказе о доме, который построил Матвей Казаков.

ДОМ КАТЕРИНЫ КОЗИЦКОЙ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ МАТВЕЙ КАЗАКОВ

...Пожар способствовал ей много
к украшению.

А. С. Грибоедов

«Сквозь Замоскворечье его детства» можно разглядеть первые пристрастия будущего великого зодчего, его удивление перед даром созидания, которым владеет человек. Кажется, Казаков никогда не забывал своего первого дома: как на его глазах вырастало каменное здание для конторы военного интендантства, по которому, в невеликой должности подканцеляриста, то есть подьячего, числился его отец. Мальчик глядел на снующих каменщиков, землекопов, плотников, столяров, кровельщиков, маляров (лица столь разноликих профессий, дающих жизнь дому, он различит позже).

Судьба не давала поблажек, лишала выбора, но выводила на единственно верную дорогу. В 1751 году юный Матвей Казаков, уже лишившийся отца, был определен в архитектурную школу Дмитрия Ухтомского, чтобы практически изучать строительное дело. Грушное содержание и жестокая дисциплина, нелегкая подсобная работа на стройке... Он, как и его старший соученик по школе, великий Баженов, начинал «чернорабочим» архитектуры.

Москва их юности поражала живописной хаотичностью, почти сельским пейзажем — каменные строения были редки; барские усадьбы, задвинутые в глубь дворов, соседствовали с возвышавшимися тут и там колокольнями и церквями, а пышные палаты жили бок о бок с «избушками нищеты». Матвей Казаков любил этот город, вернее, этот «сбор городов» (как точно определил Москву один его современник).

Из Замоскворечья через деревянный низкий Москворецкий мост путь его часто лежал к Кремлю и Красной площади, еще носившим следы недавних разрушений —

пожары в ту пору постоянно терзали город. Каменный широкий мост у Воскресенских ворот через речку Неглинную выводил его к Тверской, главной, парадной московской улице, которой еще не коснулся «тверской» пожар 1773 года. Когда стихия почти сведет с лица земли это крупнейшее поселение российской знати, потребуется отстроить его заново и в самый кратчайший срок, благодаря чему улица и получит относительное единство архитектурного облика. Обретется оно классической стройностью и строгостью строений, возводимых здесь по всем правилам новейшей архитектуры. Партикулярные, то есть частные, дома будут выходить фасадом на улицу и иметь, по завету Баженова, «главнейшие» три особенности: «красоту, спокойность (т. е. удобство) и прочность».

Знал ли Матвей Казаков свою будущую роль в этом великом созидании?

Знал ли, как украсит первопрестольную?

Действительно, если выдвинуть главный усадебный дом фасадом по линии улицы, то прочие строения можно тогда поместить либо по бокам главного здания, либо перенести за дом, оставляя там и часть усадебного парка. Выравнявшись, дома создадут цельный ансамбль, и улица станет параднее и представительнее.

С конца 1770-х годов великий зодчий взялся за дело и в течение 20 лет фактически перестроил и застроил Тверскую, особенно в части между Охотным рядом и Тверским бульваром.

От Кремля, где он потрудились немало (возвел здание Сената, в котором ныне работает Совет Министров СССР, спроектировал вместе с Баженовым Кремлевский дворец, так и оставшийся непостроенным), в начале Тверской, па левой ее стороне, потеснив низкорослые лавчонки, поставил дом Благородного университетского пансиона; красиво отстроил дом генерал-губернатора, так называемый Тверской дворец (ныне в перестроенном виде здание Моссовета), и сам засвидетельствовал: «Оное строение главного

корпуса строено мною, а кем проектировано — неизвестно»; еще дальше — поставил дом вельможе Прозоровскому. На правой стороне, на углу Георгиевского переулка, перестроил дворец С. М. Голицына и, наконец, ближе к Тверскому бульвару возвел легкий шестиколонный особняк Катерине Козицкой. Почти все эти дома, возведенные М. Ф. Казаковым, не сохранились. Сегодня можно говорить лишь о примерном положении казаковских зданий на месте современных домов № 7 и 17 по улице Горького (Благородный пансион и дворец Прозоровского) и № 12 по проспекту Маркса (дворец Голицына).

Дома Прозоровского и Козицкой, сооруженные почти папротив, правда, с интервалом лет в десять, господствовали в верхнем отрезке Тверской, видны были издалика и своим торжественным великолепием вносили важный акцент в классическую уравновешенность улицы.

Историки архитектуры заметили, что в доме Козицкой «при другой этажности, видоизмененной трактовке ордера и фасада, была выдержана общая с домом Прозоровского высота (высота дома Козицкой до венчающего карпиза — $7\frac{1}{3}$ сажени, дома Прозоровского — 7 сажень)¹, которая соответствовала ширине улицы. Теперь этот облик Тверской, навсегда стертый временем, сохранился лишь на акварелях и литографиях.

Художник Ф. Я. Алексеев, командированный Академией художеств в 1800 году из Петербурга «списывать Москву», возможно, в связи с предложением М. Ф. Казакова, возглавившего работу по составлению «фасадического» плана вновь построенной старой столицы, в ряду прочих написал прекрасную акварель. «Вид на Страстную площадь в Москве» запечатлел и знаменитый дом «вдовы статской советницы» Катерины Ивановны Козицкой во всей его первозданности, и шатровую колокольню

¹ См.: Архитектурные альбомы М. Ф. Казакова: Альбомы партикуляриных строений. Жилые здания Москвы XVIII века / Подготовка к изд., ст. и коммент. Е. А. Белецкой. М., 1956, с. 25.

церкви Дмитрия Солунского, стеснявшую строительство особняка, но великолепно вписавшуюся в уличный ансамбль. На акварели видны и пышные Триумфальные ворота, возведенные еще при Екатерине II, и мощные стены женского Страстного монастыря, постройки 1614 года, укрывшегося в глубине площади среди монастырских огородов и садов.

Отдельные детали фасада, плана и разрезов дома Козицкой остались на собственных рисунках зодчего, включенных им в архитектурные альбомы партикулярных строений, сохранившиеся до наших дней.

Термины и определения классицизма, которому, по мнению историков архитектуры, Казаков «придал жизненность и силу конкретного творческого метода»: лаконически простые формы, пластичность фасада, спокойное членение плоскостей, прекрасно найденные пропорции, ритм изящных колонн, сдержанность и благородство умело поставленного здания, интерьеры которого отличает особый жилой уют, — все это полностью относится к великоленному особняку на Тверской. Дадим же и дальше слово специалистам, подметившим типологию казаковского дома вообще.

В конце 1780-х годов сложилась ставшая характерной для творчества Казакова «система трехчастного построения фасада с портиком большого ордера в центре и малым ордера в обрамлении окон или балконных дверей боковых ризалитов». Основному мотиву фасадного оформления, варьирующемуся в разнообразных сочетаниях, — шести-колонному коринфскому портику, несущему широкий фронтон, подчинена лишняя вертикальных линий стена с опоясывающими здание и отмечающими этажи горизонтальными тягами (поясками). Нижний рустованный этаж задуман как цоколь. Вся композиция строится на сопоставлении вертикальных и горизонтальных членений.

Таким вырисовывается и дом Козицкой по Тверской на акварели Ф. Алексеева. Но сколько теперь ни гляди на

дом № 14 по улице Горького, не увидишь ни стройного портика с фронтоном, ни резных висячих балконов на кровштейнах, ни проездных ворот во двор, располагавшихся некогда в центре фасада. Увидеть аналог дома Козицкой, построенный песколькими годами раньше, можно в Гороховском переулке, если подойти к бывшему особняку И. Демидова, ныне дому № 4.

Прежде владение, на котором утвердилось К. И. Козицкая (1746—1833), принадлежало князьям Вяземским: в 1738 году оно числилось за княжной Марьей Федоровной; в 1745-м — за ее братом Андреем и в том же году перешло к его сыну Ивану. На плане кварталов, составленном в 1775 году, показан двухэтажный дом, принадлежавший этому старинному семейству. Но в 1787 году им уже владела вдова статс-секретаря Екатерины II Г. В. Козицкого. Младшая из четырех дочерей заводчика-миллионера И. С. Мясникова, разбогатевшего на добыче руд в пустых и диких башкирских землях, унаследовала от отца кроме несметных капиталов, видимо, и деловую хватку. «Крепость» на имя Козицкой «писана 1787 году мая 27» и тотчас же начато строительство сначала дворовых корпусов, а затем и основного дома. В литературе промелькнули сведения, что «Козицкий выстроил... дворец для своей красавицы жены», но к 1790 году, когда строительство было в разгаре, статс-секретаря Екатерины, не выдержавшего переменчивости своей сиятельной покровительницы, уже не было в живых. В декабре 1775 года отставленный от дел, в «припадке меланхолии» он «нанес себе 32 раны ножом».

Козицкий был человеком просвещенным — учился в Киевской духовной академии, слушал лекции в Лейпцигском университете, писал, преподавал, переводил. Замеченный Екатериной II, стал ее доверенным лицом, исполняя всякого рода поручения. Участие в разборе оставшихся от Ломоносова бумаг, сотрудничество в комиссии о сочинении Нового уложения 1767—1768 годов, где он пере-

вел «Наказ» на латинский язык, как бы добавляло новый штрих к литературной судьбе дома и приближало к ней семейство Козицких. Особняк вырос на углу Тверской улицы и переулка, закрепившего в своем названии имя его первой владелицы.

Долго радовал москвичей строгий абрис шестиколонного дворца, поражавшего совершенством линий, вызывавшего неизменный вопрос: откуда у архитектора такой глаз на пропорции?

Ответ сравнительно прост, когда трудолюбие творца помножено на его талант.

«Посвятив всю свою жизнь зодчеству... он (Казаков) не мог без содрогания вообразить, что многолетние его труды превратились в пепел и исчезли вместе с дымом пожарным», — свидетельствовал сын архитектора. Весть о пожаре 1812 года в Москве «нанесла ему смертельное поражение». Больше уже он не встал...

Но дом на Тверской выстоял, чтобы спустя десятилетия с небольшим принести новую славу его зодчему и всеобщую известность новой хозяйке, обратившей дом в подлинную «академию» искусств и художеств.

АКАДЕМИЯ ИСКУССТВ И ХУДОЖЕСТВ

...Вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

А. С. Пушкин

В «Евгении Онегине» удивительно передан ритм движения по Тверской, ее напряженный жизненный пульс, точные приметы и ориентиры времени. Мелькающая пестрота

городского пейзажа: полосатые будки (приспособленные для нижних полицейских чинов — «буточников»), редкие масляные фонари (которым не под силу справиться с уличным освещением), толпящиеся беспорядочно церкви и колокольни, снующие мимо пешеходы: бабы, мужики — разносчики и уличные торговцы, мальчишки-рассылные из магазинов, бухарцы — продавцы восточного товара. Если попытаться улицу «озвучить», то различишь ее голоса: выкрики всех этих «невеликих прохожих», воздающих хвалу своему товару, скрип рессорных карет, шуршание юрких повозок, птичий гомон, заунывную песнь шарманщика. И вдруг, словно прорезая спрессованный шум, зазвонит на все голоса по второму удару с «Ивана Великого» могучая рать московских церквей...

Такую Тверскую, все ту же — оживленную, торговую, аристократическую, воскресшую после наполеоновского нашествия, увидит пушкинская героиня, въезжая в Москву в начале 1822 года. Ларинский возок, пронесшийся по Тверской в приход Харитония через Кузнецкий мост, минует дворец вельможи Разумовского, и влившийся в Страстную площадь Тверской бульвар (бывший, по слову современника, как и другие «булевары» «щастливой выдумкой», придавшей «неимоверную красоту древней нашей столице»), и обширные сады, раскинувшиеся возле Страстного монастыря, и сам монастырь, и, конечно, знаменитые казаковские дворцы, выстоявшие в пожар 1812 года, — Прозоровского и Козицкой, только теперь последний принадлежит ее дочери — А. Г. Белосельской-Белозерской, мачехе «княгини Зенаиды».

Самой Зинаиде Волконской улица предстанет такой же через два года с небольшим, когда в сентябре 1824 года она возвратится в Москву и поселится во дворце Белосельских.

А еще через два года (8 сентября 1826 г.) из михайловской ссылки мимо дома, где живет и «царствует» Волконская, «свободно», на фельдъегерской тележке пролетит

опальный Пушкин для свидания в Кремле с императором Николаем.

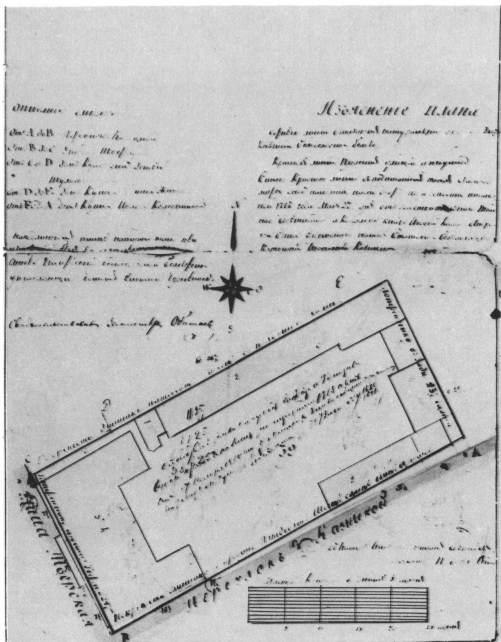
Это будет новая встреча поэта со старой столицей после «горестной» пятнадцатилетней разлуки. Свою Татьяну он наделит именно этими впечатлениями от Тверской 1826 года, хотя и развернет действие VII главы «Онегина» в 1822 году.

Появление поэта в Москве, его частые визиты в дом на Тверской (в 1826—1829 гг.) придадут какое-то особое воодушевление блистательным собраниям в салоне «княгини Зенаиды». Дом будет все тот же, с шестиколонным портиком и арочным проездом в глубь двора, но жизнь в нем пойдет совсем иная.

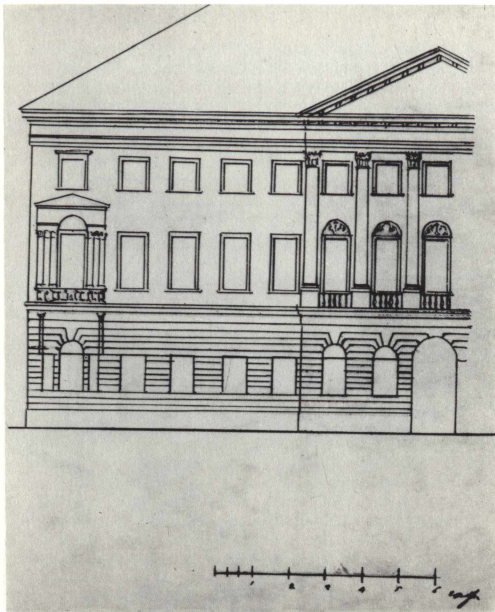
План 1820 года, открывающий «дело» дома, воспроизводит точные размеры владения, принадлежавшего «т-же действительной статской советнице, обер-шенкше и кавалерственной даме кн. Анне Григорьевне Белосельской-Белозерской, состоящего Тверской части 1 квартала под № прежде 41, а ныне 39»: «По крепости длиннику пятьдесят шесть с половиною сажень (длина владения всего)». Узнаем, что у дома появились менее родовитые соседи: со стороны Страстной «дом купеческой гильдии Тулякова», с тыла дом купца Ивана Кожевникова.

В 1844 году дом еще принадлежит А. Г. Белосельской-Белозерской, и на плане ее владений, числящихся по Тверской части 5 квартала за № 447, можно разглядеть и другие, жилые и нежилые, одноэтажные и двухэтажные, каменные строения числом пять. Но пора основательнее разобраться в родословной владельцев особняка (тем более что она нам понадобится не однажды), в тех удивительных скрещении человеческих судеб, которые вписывались десятилетиями в жизнь дома.

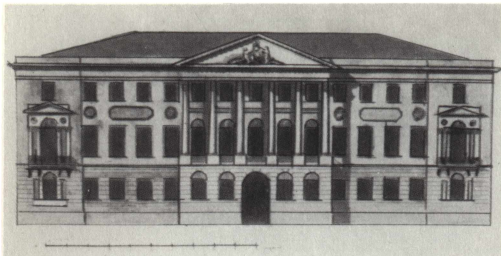
Белосельские — древнего рода, в знатных чинах и видных должностях верой и правдой служили Отечеству. Князя Федор Романович Белосельский и его сын Иван сложили головы в Куликовской битве. При Елизавете

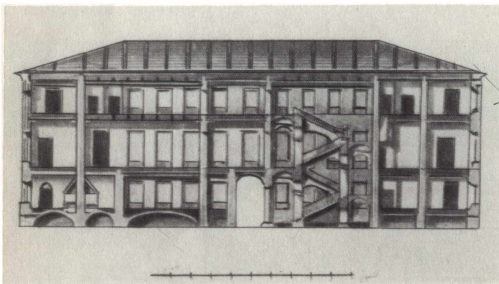
План 1820 г. «владения А. Г. Белосельской-Белозерской, состоящего
Тверской части 1 квартала»

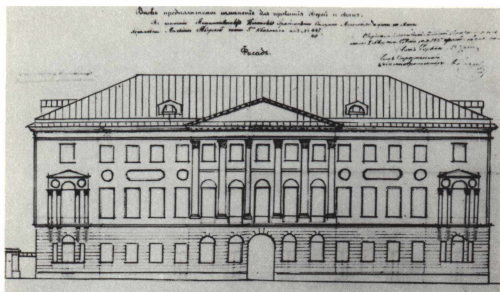
Фасад дома, «выданный правлением IV округа путей сообщения и публичных зданий 1844 года декабря 29 дня Тверской части 5 квартала № 447 штате-даме... Анне Григорьевне Белосельской-Белозерской»

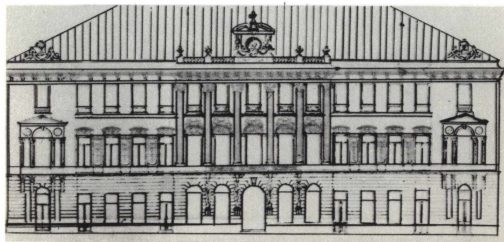
Дом Е. И. Козицкой на Тверской. Фасад. Из архитектурных альбомов
М. Ф. Казакова

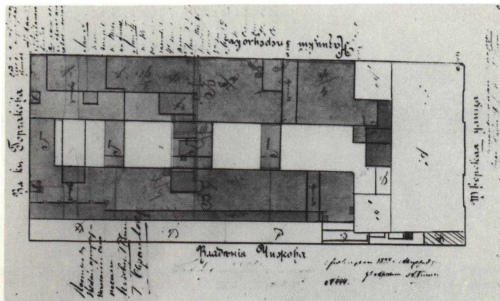
Дом Е. И. Козицкой на Тверской. Разрез. Из архитектурных альбомов
М. Ф. Казакова

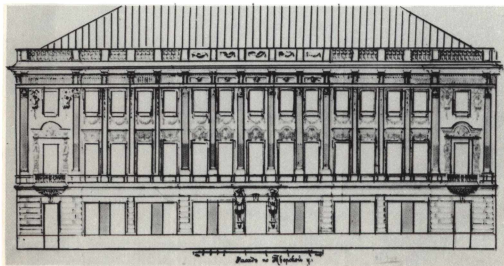
Дом Белогородских-Белозерских до перестройки его архитектором А. Вебером для С. М. Малкиели, 1874 г.

Фасад дома С. М. Малкиели (проект архитектора А. Вебера, 1874 г.)

«План, выданный из Московской городской управы на производство строительных работ во владении... 416/447» Г. Г. Елисеева по прошению Г. В. Барановского, 1898 г.

Фасад дома Г. Г. Елисеева по Тверской (архитектор Г. В. Барановский, 1898 г.)

Вид на Тверскую улицу со стороны Страстной площади. Слева в перспективе дом Белосельских-Белозерских. Литография с оригинала А. И. Шарлеманя. 2-я половина XIX в.

Ф. Я. Алексеев. Вид на Страстную площадь в Москве (в перспективе). Акварель. Начало 1800-х гг. Справа — дом Е. И. Козицкой

З. А. Волконская. Портрет работы П. Бенвенути. 1820-е гг.

М. Н. Волконская. Портрет работы З. А. Волконской, исполненный в дни проводов М. Н. Волконской в Сибирь. 1826 г.

«Мицкевич в салоне Зинаиды Волконской импровизирует Пушкину». Картина Г. Г. Мясоедова. 1907 г.

Петровне вице-адмиралом был Михаил Андреевич Белосельский, а его сын Александр (1752—1809) при Екатерине II — посланником в Дрездене и Турине.

В конце XVIII века Александр Михайлович Белосельский, как старейший потомок древних владельцев Белозерского княжества, стал именоваться Белосельским-Белозерским. Первая жена Александра Михайловича — Варвара Яковлевна, урожденная Татищева, о ранней кончине которой он много и безутешно горевал, и была матерью Зинаиды Волконской. Его второй брак с дочерью уже известного читателю екатерининского статс-секретаря Анной Григорьевной Козицкой (1767—1846) вполне объясняет появление «княгини Зенаиды» в доме Козицких на Тверской (хотя об отношениях мачехи и падчерицы нам известно мало). Сама Зинаида в 1811 году стала женой Никиты Григорьевича Волконского, егермейстера при дворе Александра I, брата будущего декабриста Сергея Волконского. Одна из сводных сестер Волконской, Екатерина, вышла замуж за николаевского любимца, брата военного министра И. О. Сухозанета, так что ревностный усмиритель восстания 14 декабря породнился с одним из главных участников заговора. И все потому, что внучки знаменитой Катерины Козицкой, Екатерина Ивановна Лаваль и Екатерина Александровна Белосельская-Белозерская, стали женами С. П. Трубецкого и И. О. Сухозанета.

Владельцем дворца, очевидно, некоторое время был генерал-майор Эспер Александрович Белосельский-Белозерский (1802—1846), сводный брат З. А. Волконской.

По-видимому, именно с Екатериной Сухозанет, «старой княгиней, родственницей владельца», поселившейся во дворце в середине прошлого века, знаменитый московский бытописатель В. А. Гиляровский свяжет любопытнейшую легенду о доме с привидениями, но об этом речь впереди. Что же до семейства «секущего» Сухозанета, его жены Е. А. Белосельской, не раз упомянутых Герценом в «Колоколе» («Ивана Сухозанета... под суд за варварское

управление заводами»), видим, что оно не пользовалось столь безупречной репутацией, как другие представители старинной фамилии Белосельских-Белозерских.

Александр Михайлович Белосельский-Белозерский был литературно и художественно одарен. Почетный член всяческих академий и многих ученых обществ, он положил первый камень в основание «академии» искусств и художеств, как позже станут называть салон его дочери. При нем дворец наполнился множеством вывезенных из дальних краев прекрасных картин и статуй, и его коллекция считалась замечательной. Белосельский славился тонким умом, высокой образованностью и даром изящной беседы. Знакомец Вольтера и Канта, приятель Карамзина и многих великих, сам литератор, сроднился с Европой, легко писал по-французски, щедро разбрасывая по парижским изданиям свои поэтические и ученые опыты; русский, судя по всему, знал хуже, но от экзерсисов на родном языке не отказывался, сочинив даже либретто оперы «Оленька, или Первоначальная любовь». При этом неудивительно, что Зинаида, боготворившая отца, которого, увы, тоже рано лишилась, с детства приучилась «к формам идеальным», была воспитана в самых просвещенных традициях на энциклопедистах и французских классиках.

Наверное, все совершенства сошлись в этой прекрасной женщине: тонкость души, артистичность, врожденная любовь к искусству, природный такт и обаяние, «талант добра и отзывчивости», «прирожденное достоинство» (П. Вяземский) и внутренняя свобода, ученость и просвещенное гостеприимство. Из восторженного хора заслуженных славословий современников «княгине Зенаиде» вырывается голос поэта, как всегда совершенного в своей оценке, — «царица муз и красоты».

Пушкину понятна исключительность русских женщин вообще (они «лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые бог знает чем») и личности «княгини Зенаиды» в особенности.

Спору нет, Волконская — феномен, она стоит над своим женским сословием, даже дотянувшимся до высшего уровня образованности, артистическая натура княгини «не мыслима вне красоты». В ее характере столько независимости, непокорства, никак не соотносенных с высоким положением, занятым ею в обществе и при дворе. И все же подобная исключительность требует объяснений.

Зинаида Волконская (1789—1862) рождена в Италии, в Турине в «грозовом» 1789 году¹, поколебавшем дворцы и троны (по другим источникам, З. А. Волконская родилась в 1792 году в Турине, в 1789 году в Дрездене). В 1813 году вместе с мужем в свите императора Александра I отправилась в Европу.

Ее человеческая недюжинность и общественное положение давали возможность проявить необыкновенные дарования, но были и трагическим тормозом. Условность придворного этикета, злоречивое мнение света, часто невежественного и холодного, брошенные вскользь августейшие упреки, заставившие отказаться от «суетности» Парижа, открывшегося навстречу талантам княгини, — и это при самом восторженном преклонении Александра I перед «прекраснейшим украшением своего дворца» — порождали мигнуты тяжелых сомнений и горьких раздумий, но не сбивали с пути.

Несравненная певица, чей «волшебный голос» покорила Европу («Поет как ангел», — говорил П. А. Вяземский), а сценический талант восхитил первую актрису Франции м-ль Марс, да и не ее одну, должна была довольствоваться скромной ролью любительницы-дилетанта, правда, не в том сокрушительном смысле слова, как его теперь толкуем мы.

Незаурядная писательница, автор романтических стихотворений, незаконченной исторической поэмы «Ольга», поэтической «Славянской картины», написанной изящной

¹ *Фридкин В.* Отчет о командировке. — Наука и жизнь, 1985, № 2, с. 146.

французской прозой, в 30 лет овладела в совершенстве русским языком, чтобы не чувствовать себя «изгоем» российской словесности, но так и осталась автором никому теперь не известных, нечитаемых томиков «Œuvres...» («Сочинений»).

Ее углубленные занятия русской историей и скандинавской археологией, опережающие время идеи о создании национального музея и патриотического общества, раскрывающего Европе «достопримечательности нашего отечества», принесли ей общественное признание, но и оно не пошло дальше торжественных провозглашений «сумасбродной» княгини почетным членом всяческих ученых обществ, где ее проекты, как водится, клали под сукно.

Русская по рождению и стремлениям, большую часть жизни она провела в Италии, среди «российских снегов» появлялась не часто, но пребывание ее в доме на Тверской (конец 1824—1829) прошло под «счастливым созвездием» и оставило неизгладимый след.

Она вошла в московские салоны,
Чтоб в городе шатровых куполов
Пропеть под мерный гул колоколов
Палящие Петрарковы канцоны.

И полюбила темные иконы,
Кириллицу, славянский часослов.
Чтоб вспоминать о них среди балов
В толпе конгрессов Вены и Вероны.

Но снова древний Рим пред ней возник
И позабыла в дыме базилик
О бедных храмах с нищими в приделах,

Когда горящий пурпуром прелат
Пред нею пел в торжественных капеллах
Терцины католических кантат¹.

¹ Этот сонет принадлежит известному советскому литературоведу Л. П. Гроссману, выпустившему в издательстве «Фламета» в 1909 году цикл сонетов «Плеяда», посвятив один из них «Зенеиде Волконской».

Даже претерпевая всяческие крушения, дом на Тверской все же не утрачивал памяти о самом блестящем московском салоне, некогда жившем, певшем, дышавшем в его стенах. Точно и дому засчитывались многие достоинства его хозяйки, никак не походившей ни на своих жеманных сестер — всех этих «Зизи» и «Мими», ни на засохших над книгой «педантов»-дам, не забывшей о женственности, не ставшей

...семинаристом в желтой шале
Иль академиком в чепце.

Через ее салон-«академию» прошли люди, представлявшие самые выдающиеся художественные и умственные силы: Е. А. Баратынский и А. А. Дельвиг, В. А. Жуковский и Н. М. Языков, П. А. Вяземский и И. И. Козлов, В. Ф. Одоевский и Д. В. Давыдов, С. А. Соболевский и А. И. Тургенев, Д. В. Веневитинов и Ф. И. Тютчев, В. К. Кюхельбекер и Д. И. Завалишин, С. Е. Раич и П. И. Шаликов, Н. М. Погодин и С. П. Шевырев, А. Ф. Хомяков и братья Киреевские. Перечислить всех — значит поднять целый пласт русской художественной культуры.

Вяземский подтвердит: «В Москве дом княгини Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты, дилетантами и любительницами представления итальянских опер». Круг литературный, художественный, сложившийся благодаря особому дару хозяйки сплотить столь непохожих людей, имел связь «не личность, не выгоду, а идею», аристократия духа брала здесь верх над аристократией рода. Основа общественного престижа — «иерархия душевладения» в зачет не шла.

Это был дом не как другие, где даже танцуют от скуки. Здесь не сражались в карты («Карты! — восклицал современник. — Да без них ступить нельзя»), не предавались чревоугодию, и Бахус еще не стал покровителем этого храма искусства. Душа и тело дома были пока едины. В нем бился пульс человеческой радости, дружества и веселой талантливости. Когда же времена ожесточились, дом не отступился от своих традиций, напротив, он стал в оппозицию, не дрогнув пред всепроницающим, «зимним» взглядом нового русского самодержца Николая I.

ДОМ-«ОППОЗИЦИЯ»

Тон общества менялся наглазю; быстрое нравственное падение служило печальным доказательством, как мало развито было между русскими аристократами чувство личного достоинства. Никто (кроме женщин) не смел показывать участия, произнести теплого слова о родных, о друзьях, которым еще вчера жали руку, но которые за ночь были взяты...

Одни женщины не участвовали в этом позорном отречении от близких...

А. И. Герцен

В исходе 1825 года древняя столица была сильно взбуждена. Возбуждению, толкам, слухам нет конца. В водоворот событий вовлечен и дом на Тверской. Его хозяйка «княгиня Зенаида» доносит до нас свои «мучительные воспоминания» об этих днях. Она еще видит «черное сукно, повешенное на окнах, на балконах вдоль всех домов» (как траур по скончавшемуся в Таганроге ее покровителю Александру I), а по Тверской уже мчатся курьеры с приказами: один — присягнуть Константину, другой — Николаю, следующий с подробностями о «происшествии» 14 декабря. Из салона исчезают многие лица. Тщательно закупоренные повозки с жандармами «настороже» несутся на

следствие в Петербург. В обратном направлении, в Москву, перемещается царский двор, торжествующий победой. 22 августа 1826 года на Москву ложится отблеск «кровавого» фейерверка, а из Кремля допосылаются 85 коронационных залпов, извещающих о благополучном восшествии на престол императора Николая. «Всеобщее торжество» не должно быть нарушено даже скрытым участием к казненным и осужденным. Знак внимания к их нераскаявшимся родственникам может быть сочтен и за измену. В таком контексте всеобщей подавленности и немой подозрительности состоялись 26 декабря 1826 года проводы Марии Волконской в салоне ее «третьей невестки». Они могли быть расценены как акция политическая, тем более что тайную полицию давно не устраивали независимость княгини и ее «зуб на правительство»: «Между дамами, две самые непримиримые и всегда готовые разрывать на части правительство,— княгиня *Волконская* и генеральша *Коновницына*. Их частные кружки служат средоточием всех недовольных, и нет брани злее той, какую они извергают на правительство и его слуг...»

В жизни дома было много прекрасных дней и незабываемых вечеров, но этот был особенный, «незабвенный». Мемуаристы, да и сами его участницы, обе княгини Волконские, оставили письменные тому свидетельства. «Княгиня Зенаида» — в духе восторженной романтической экзальтации: «О ты, пришедшая отдохнуть ко мне! Ты, которую я знала лишь три дня и назвала своим другом! Твой образ запечатлелся в моей душе. Мой взор все еще видит тебя... Ты молода... а твое прошлое уже навсегда оторвано от настоящего; твой день угас, но вместо тихого вечера сразу настала темная ночь». Мария Николаевна написала просто и безыскусно: «В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской... она меня приняла с нежностью и добротой, которые остались мне памятны навсегда; окружила меня вниманием и заботами, полная любви и сострадания ко мне. Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех

итальянских певцов, бывших тогда в Москве, и несколько талантливых девиц московского общества. Я была в восторге от чудного итальянского пения, а мысль, что я слышу его в последний раз, еще усиливала мой восторг. В дороге я простудилась и совершенно потеряла голос, а пели именно те вещи, которые я лучше всего знала; меня мучила невозможность принять участие в пении. Я говорила им: «Еще, еще, подумайте, ведь я никогда больше не услышу музыки». Тут был и Пушкин, наш великий поэт; я его давно знала; мой отец приютил его в то время, когда он был преследуем императором Александром I за стихотворения, считавшиеся революционными».

Здесь мы приостанавливаем известные «Записки» М. Н. Волковской, чтобы напомнить читателю о связях Пушкина с домом на Тверской.

Недели через две после появления в Москве опального поэта состоялось его знакомство с княгиней. П. А. Вяземский вспоминает: «...слышится еще, как она (З. А. Волконская.— *Авт.*) в присутствии Пушкина... пропела элегию его, положенную на музыку (композитором) Геништоу:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман...

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению, краска вспыхивала в лице его. В нем этот детский и женский признак сильной впечатлительности был несомненное выражение... всякого потрясающего ощущения». Отныне их связи не прерывались. Опечаленная новым отъездом Пушкина в Михайловское, княгиня умоляла поэта (в письме 29 октября 1826 г.) вернуться в древнюю столицу, где «воздух легче», подносила свое собственное «чадо» — перевод на итальянский либретто для сочиненной ею оперы «Жанна д'Арк» и свой литографированный портрет в этой героической роли.

Пушкин тоже не оставался в долгу. «Цыганы» были присланы Волконской сразу же после выхода поэмы в свет в мае 1827 года, а в известном послании «Среди расеянной Москвы» «северная Коринна» была увековечена навсегда.

Исследовательница творчества поэта Р. Теребенина интересно, по-новому взглянула на характер взаимоотношений Пушкина и З. Волконской, проанализировала их известную неоднозначность и предостерегла от крайностей, в которые впадали некоторые исследователи, основываясь на собственных высказываниях поэта: «Вспомнив, что в январе 1829 года, по возвращении из Москвы, Пушкин писал Вяземскому: «...я от роутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды...» — и что в тот же приезд в Москву поэт в салоне Волконской «в досаде... прочел «Поэт и чернь» и, кончив, с сердцем сказал: «В другой раз не станут просить», Д. Д. Благой... говорит «о резкой неприязни, которую испытывал Пушкин к модному светскому салону Зинаиды Волконской». Это несправедливо. Пушкин, по его признанию, «будучи подвержен так называемой хандре», «в дружеском обращении» нередко предавался «резким и необдуманым суждениям» о людях, которые никак нельзя считать окончательными. В приведенных высказываниях тоже сквозит раздражение, стихи же свои Пушкин действительно не любил читать в обществах. Если бы поэт в самом деле с «резкой неприязнью» относился к салону Волконской, и при этом едва ли не с первого дня его посещения, то просто непонятно, почему и зачем он бывал там, на тех же «проклятых обедах», как мог написать послание?»

Вольнолюбивая атмосфера салона, образ его несравненной хозяйки долго занимали воображение художников и поэтов. В 1870-е годы, как известно, Н. А. Некрасов взялся за поэму «Русские женщины», где картина проводов Марии Волконской документально зарисована с почти графической резкостью:

И сделалась я «героинею дня»,
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам,
Явились бывшие тузы-старики
С отменно-учтивым приветом...

Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Все вечером съехались к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты...

Писателей группа, любимых тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,
Безвременно взятый могилдой.
И Пушкин тут был...

Уже в XX веке художник-передвижник Г. Г. Мясоедов попытался приоткрыть двери дома, восстановив другой знаменательный эпизод в его жизни, 24 октября 1826 года, — литературный обед, соединивший Пушкина и Мицкевича. Польский поэт, тоже опальный, изгнанник, нашел самый горячий прием в салоне Волконской. Вяземский вспоминал, что на обеде было предложено несколько тем для поэтической импровизации, и пальма первенства осталась за Мицкевичем, который для своих друзей, не знавших по-польски, импровизировал французскую прозу. В его импровизации была мысль, чувство, картина и поэтическое выражение. Можно было подумать, что он читает наизусть поэму, им уже написанную.

В картине «Мицкевич в салоне Зинаиды Волконской импровизирует Пушкину», написанной в 1907 году, Мясоедов после взволнованно пережитых им революционных событий пытался отразить настроения передовой художе-

ственной интеллигенции, ее оппозицию режиму, о чем свидетельствовал и сам художник: «...ведь собрание у Волконской (эта семья всегда отличалась свободолобием) было собранием апостолов от цивилизации, и в собрании этих людей сеялись семена свободы, оттуда вышли частично и декабристы».

На картине Мясоедова среди известных завсегдатаев салона П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, П. Я. Чаадаева находим изображение и другого непереманного посетителя собраний в доме на Тверской — поэта и философа Дмитрия Веневитинова. Его невольное участие в событиях, развернувшихся в доме, было причиной неожиданно скорой кончины поэта. Веневитинов, по просьбе Волконской, взялся сопроводить в Петербург, куда и сам отправлялся к месту службы, секретаря графа Лавалля Воше, проводившего в Сибирь дочь своего патрона и друга — Е. И. Трубецкую (о родственных связях Волконских и Трубецких читателю уже известно). На обратном пути из Сибири Воше остановился на несколько дней в доме Волконской. Полиция не спускала с них глаз. При въезде в Петербург Веневитинов был арестован. Его смелое и благородное поведение на допросах, дерзкий вызов властям — «если... и не принадлежал к обществу декабристов, то мог бы принадлежать к нему» — и короткое тюремное заключение подорвали хрупкое здоровье. 15 марта 1827 года Веневитинова не стало. Вместе с именем Пушкина Герцен занес и его имя в трагический мартиролог жертв николаевского деспотизма, осмелившихся «поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин, мыслитель — всех их толкает в могилу неумолимый рок... Веневитинов убит обществом, двадцати двух лет».

* * *

Исследователи творчества Мясоедова не слишком высоко оценивали картину стареющего художника, чье творчество в ту пору шло к закату, но для историка дома она

чрезвычайно важна. Картина передает детали интерьера салона — розово-сиреневатые стены и черно-белый пол, подтверждаемые документально свидетельствами его посетителей.

А. П. Волконская (позже Дурново), племянница княгини, в письме к своей матери, Софье Григорьевне Волконской, 11 августа 1826 года сообщает: «Вчера утром я в первый раз видела апартаменты, которые тетушка Зинаида устроила себе наверху в доме Белосельских (во втором этаже.— *Авт.*). Ее столовая зелено-горчичного цвета с акварельными пейзажами и кавказским диваном, подобным таганрогским (как в доме, где умер Александр I.— *Авт.*). Ее салон — цвета мальвы (*mauve*) с густо-желтыми картинами (картинами в золоченых рамах.— *Авт.*), мебель (обита) густо-зеленым бархатом. Биллиардная обита старинным дамá (шелковая узорчатая материя.— *Авт.*). Ее кабинет увешан готическими картинами, с маленькими бюстниками наших царей на консолях, прикрепленных к стенам, и (обставлен) аналогичной мебелью. Пол ее салона цвета мальвы покрашен в белый и черный цвета и превосходно имитирует мозаику. Я не могу тебе передать, насколько все это красиво и в хорошем вкусе».

О театре в доме Волконской пишут А. Я. Булгаков и П. И. Шаликов: «Театр был славно устроен в большой зале...» «Концерт давался на сцене комнатного театра, чрезвычайно красивого... на фронте театра... надпись: *Ridendo dicere verum*¹». Современники вспоминают и о прекрасной росписи интерьеров, выполненной домашним учителем Волконских итальянцем Барбиери, писавшим и декорации для театра.

Откуда у Мясоедова сведения о салоне? Да от его знакомой и корреспондентки Н. А. Белозерской, автора серьезного исследования о З. А. Волконской, печатавшегося в

¹ Смеясь, говорить истину (*лат.*).

«Историческом вестнике» 1897 года, когда дом, который построил М. Ф. Казаков, был уже совсем неузнаваем.

После отъезда Зинаиды Волконской в Рим в 1829 году многие десятилетия особняк пребывал в неизвестности, из которой, правда, выводили его нередко толки, слухи, рассказы о привидениях, в общем, о всякой небывальщине в духе персонажей города «теней».

ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ

Вспоминая всю обстановку того времени (1824—1829.— Аяг.), все это движение мыслей и чувств, кажется, переносишься не в действительно минувшее, а в какую-то баснословную эпоху.

Личности, присутствием своим озарявшие этот мир, исчезли...

П. А. Вяземский

К середине XIX столетия Тверская изменилась мало, хотя известная тенденция к этому все же наблюдалась. И прежде всего во внешности магазинов и лавок, освобождавшихся от допотопных вывесок со смешными надписями и уморительными картинками: Весной здесь стояла ужасающая грязь, улица — в ухабах, мостовые отвратительные. Благоразумный обыватель предпочитал отсиживаться дома, а не прогуливаться по Тверской. Освещение тусклое, мерцающие масляные фонари тоже на улице не приправка, крошечная темень — раздолье для всякого рода сомнительных «привидений», внезапно очищающих карманы замешкавшихся прохожих. Пытались было осветить Тверскую спиртовыми фонарями, но вовремя спохватились, уж очень охоч до крепкого русский человек («крепконько, а пить можно»).

Странное впечатление производила главная московская улица на петербуржца, тщетно пытавшегося отыскать в Москве второй Невский. «Ему покажут,— свидетельствовал В. Г. Белинский,— Тверскую улицу,— и он с изумле-

нием увидит себя посреди кривой и узкой, по горе тянущейся улицы», с домами, где один «выбежал на несколько шагов на улицу, как будто бы для того, чтобы посмотреть, что делается на ней, а другой отбежал на несколько шагов назад, как будто из спеси или из скромности,— смотря по его наружности...». И самое удивительное,— заключал великий критик,— «что в странном гротеске этой улицы есть своя красота». Красоту эту поддерживали по-прежнему и два казаковских строения — особняки Прозоровского и Козицкой — Белосельских, задававшие тон в верхнем отрезке Тверской. Только к этому времени, говоря словом Пушкина, дома эти совсем «одрахлали» и в них поселились... привидения:

Читатель с легкостью восстановит все подробности легенды о белой даме, неизменно появляющейся по ночам, если раскроет книгу московского летописца В. А. Гиляровского «Москва и москвичи».

«В середине прошлого века поселилась во дворце Белосельских-Белозерских старая княгиня (о которой мы имели случай уже рассказать.— *Авт.*)... и заняла со своими многочисленными слугами и приживалками половину здания, заперев парадные покои. Дворец погрузился в тихий мрак. Только раз в неделю, в воскресенье, слуги сводили старуху по беломраморной лестнице и усаживали в запряженную шестеркой старых рысаков карету, которой правил старик кучер, а на запятках стояли два ветхих лакея в шитых ливреях, и на левой лошади передней пары мотался верхом форейтор, из конюшенных «мальчиков», тоже лет шестидесяти.

После возвращения от обедни опять на целую неделю запирались на замок ворота, что не мешало, впрочем, дворне лазить через забор и пропадать целые ночи, за что им жестоко доставалось от немца-управляющего. Он порол их немилосердно».

«Но вот... в доме Белосельских появилась нечистая сила!» Слух о привидении дошел до барыни, и на другой

же день по старой Калужской дороге, «вслед за каретой шестеркой и тройкой немца-управляющего, потянулись телеги с имуществом и семьями крепостных. Мужчины шли пешком, босые и полураздетые, и больше половины их разбежалось дорогой. Дворец Белосельских опустел окончательно».

Разгадка тайны домов оказалась простой, полиция сделала засаду в доме Прозоровского, а солдаты и пожарные окружили дом Белосельских. Десятки бездомных людей, находивших себе здесь приют и не раз немилосердно поротых, вновь предстали перед властями. Была найдена и простыня, в которой фореитор Белосельской изображал «белую даму» — единственно для того, чтобы выжить барыню и зверя-управляющего.

«Долго еще боялись этих домов москвичи и, чуть стемнеет, перебегали на всякий случай на противоположный тротуар... Подальше от нечистой силы».

Впрочем, в Москве всегда любили таинственность. Ее патриархальный уклад порождал сплетни, толки, рассказы о «чудесах». Блуждающие огни, черти, духи, привидения — было о чем посудачить досужему обывателю...

Может быть, только реформы 1860-х годов тронули патриархальное спокойствие старой столицы: Со смертью Николая I в 1855 году почувствовался перелом, «общественное одушевление». Толки о крестьянском освобождении. Известия о герценовской пропаганде. Оскорбительная для русских Крымская война, принесшая кое-кому немалые доходы.

На смену древней аристократии приходили новоиспеченные «крезы». Дома меняли княжеские гербы на вычурные картуши. Подобной участи не избежал и особняк на Тверской.

Проследивая судьбу дома с конца 1860-х годов, Гиляровский свидетельствовал, что в это время здесь помещался пансион Реппмана, а в конце 1870-х годов дом был куплен у Белосельских-Белозерских «миллионером Малкне-

лем — поставщиком обуви на войска», появившимся в Москве «в 1878 году после русско-турецкой войны». Данные эти требуют некоторых уточнений. Архивные разыскания корректируют и легенды.

Сохранившийся план владения княгини Кочубей (очевидно, что дом перешел уже из рук Белосельских-Белозерских), выданный домашнему наставнику Эмилию Христьяновичу Репману 4 октября 1872 года (составлен в 1871 г.), сопровождается разрешением арендатору произвести необходимые починки на усадьбе в двухэтажном каменном строении. Видимо, пансион, утвердившийся здесь в самом конце 1860-х годов, расширялся, и в начале 1870-х годов уже требовался ремонт некоторых запущенных помещений.

Один из питомцев Репмана А. П. Бахрушин описывает былой салон в последнюю пору существования казаковского особняка: большую, отделанную под мрамор залу, где стоял уже не Аполлон, как прежде, при Волконской, а мраморная статуя Екатерины II; старые, чудом сохранившиеся плафоны, расписанные итальянцем Барбьерри. Только теперь вокруг царственной статуи бурно резвились школьники. Что ж, веселость была вполне в традиции этого дома, где всегда любили «игру». Очевидцы не забыли маскарада 1827 года, когда в залу второго этажа въехали верхом на живых лошадях Дон Кихот и Санчо Панса, так и оставшиеся неузнанными.

А веселая перебранка эпиграммами А. Пушкина и А. Муравьева, родственника хозяйки, случайно отбившего руку у статуи Аполлона и пытавшегося неловко исправить положение:

Лук, звенит, стрела трепещет...

Теперь все это отходило в баснословно далекую эпоху.

С. М. Малкиель твердо взялся за дело. В 1874 году, как свидетельствуют архивные документы, дом уже в его владении, и 26 июня потомственный почетный гражданин и

его жена просят строительное отделение московской городской управы о первых пока незначительных перестройках: «пробить двери и окна вновь в 1-м и 3-м этажах», увеличить оконные проемы (так по бокам проезда во двор вместо окон появляются двери). Второе прошение владельца 15 октября 1874 года окончательно решает судьбу дома, навсегда изменив его «казаковский» облик: «Покорнейше просим... разрешить, согласно представленным при этом планам, *исправление фасада* (подчеркнуто нами.— Авт.) с уничтожением существующих по Тверской улице колонн...» На чертеже фасада, подписанном архитектором Августом Вебером 2 августа 1874 года (кстати, построившим в 1880 г. и соседний дом по Тверской — ныне ул. Горького, 16), еще красуется легкий шестиколонный портик, но с 1875 года и он перестанет существовать. Строгое благородство классицизма уступит разностилью и неоправданной пышности. Появятся сильно декорированные окна, гирлянды, накладной орнамент, замковые камни, медальоны, арочные проемы с мощными барочными фигурами, пилястры вместо колонн; балкон второго этажа будет поддерживаться четырьмя кариатидами (непременной принадлежностью богатых особняков). И все это увенчается мощным карнизом, своеобразной балюстрадой с вазонами, балясинами, фигурами и пышным картушем... без герба (дворянством хозяин похвастаться не мог), но с датой — 1874. Эта дата и должна была быть отмечена если не в летописях архитектуры, то хотя бы в анналах домовладения. Ныне на доме № 14, в центре здания, видим цифру 1875 — год окончательной перестройки. Однако справедливость требует добавить, что дом — порождение эклектической архитектуры — выражал и потребность эпохи. Он раскрывался навстречу улице, из замкнутой городской усадьбы превращался в городское жилище. В. А. Гиляровский свидетельствовал, что «весь нижний этаж с зеркальными окнами занимал огромный магазин портного корпуса, а бельэтаж — богатые квартиры: Внутренность роскошных зал была сох-

ранена. Осталась и беломраморная лестница, и выходивший на парадный двор подъезд, еще помнивший возок Марии Волконской».

Малкиель владел домом и вел многочисленные перестройки на усадьбе вплоть до 1882 года, когда разорился и дом «пошел по рукам». Почетный гражданин В. Н. Носов, потомственная почетная гражданка О. А. Ланина, почетная гражданка В. А. Морозова — сколько их прошло за 15 лет, прежде чем в 1898 году дом приобрел и приступил к его перестройке знаменитый петербургский купец Г. Г. Елисеев. Москвичи-старожилы, все еще побаивавшиеся дома с привидениями, были сражены новыми чудесами, о которых впоследствии поведал В. А. Гиляровский. На несколько лет особняк был плотно обшит тесом, и оставалось только гадать, что происходит внутри гигантского ящика: Отдельные смельчаки, преодолев заслоны, рассказывали:

«— Индийская пагода воздвигается.

— Мавританский замок.

— Языческий храм Бахуса.

Последнее оказалось ближе всего к истине».

ХРАМ БАХУСА

— Обстановка-то! Миллионная!.. Разориться можно!..

— Ну, не разорятся... На потребителей разложат.

Разговор прохожих, толпящихся перед витриной открывшегося «Магазина Елисеева и погреба русских и иностранных вин».

Искра, 1901, 1 февраля, № 1.

В толпе; с утра запрудившей Тверскую, вновь встречаем неперменного нашего московского бытописателя. Глазами В. А. Гиляровского через людскую толчею рассматриваем сквозь зеркальные стекла «причудливые постройки из раз-

ных неведомых доселе Москве товаров». Картина поистине в духе старых мастеров: «Горами поднимаются заморские фрукты; как груды ядер, высятся пирамида кокосовых орехов, с голову ребенка каждый; необъятными, пудовыми кистями висят тропические бананы; перламутром отливают разноцветные обитатели морского царства — жители неведомых океанских глубин, а над всем этим блещут электрические звезды на батареях винных бутылок, сверкают и переливаются в глубоких зеркалах, вершины которых теряются в туманной высоте».

Здесь все — от кальвиля¹ французского с гербами
До ананасов и невиданных японских вишен.

Дом на Тверской открывался навстречу покупателю, завораживая его блеском огней, плавной уступчивостью прилавков, неслыханной обходительностью продавцов.

Дом на Тверской широко распахивал двери, но в них проходили далеко не все. Маяковский напишет:

...А под витринами
всех Елисеевых,
живот подведя,
плелась безработица.

Предреволюционная эпоха четко обозначала сословные границы: нищета и роскошь вступали в смертельную схватку.

Сегодня каждый может запросто войти в этот дом, дающий особый настрой на прошлое, сделаться даже его завсегдатаем. Но как воспринимаются ныне эта чрезмерность декора, излишество в убранстве обычного торгового зала? Анкета среди посетителей магазина, возможно, облегчила бы эту задачу. Зайдем в московский гастроном № 1:

Случалось ли вам быть здесь без цели в какой-нибудь

¹ Сорт яблок.

тихий час, хотя такие часы и минуты вряд ли есть в жизни бурлящего магазина. На улице потрескивает морозец, а в сверкающем зале празднично и тепло. Мириады огней, разбегаясь, отражаются в зеркале заиндевевших окон, прорезают звездами их ледяное пространство. Те же люстры, те же могучие гроздья света, что и много лет назад. Для меня, сознаюсь, это большое удовольствие. Взгляните только по сторонам: на мощные, с резными колоннами проемы-арки наподобие гигантских лож, в которых устроились витрины-шкафы, на пышную золоченую лепку стен и плафонов, на укрывшиеся в нише часы «П. Буре», на вазу с хрустальным, старомодным названием «баккара», задержавшуюся здесь с елисеевских времен, когда в магазине был особый отдел хрусталя. А справа, за зеркальной нишей (под которой теперь проход в Козицкий переулок), располагался кабинет управляющего, зорко следившего за порядком из своего невидимого покупателя «зазеркалья».

Чрезмерность декора, несомненно, поражала современников в пору крушения сословных барьеров, но и воспринималась многими критически (весьма характерно определение тех лет «рыночная роскошь»), ибо чванство новоявленных хозяев жизни, стремящихся утвердить свой золотой престиж, долго было притчей во языцех художественной литературы и общественного сознания.

Сегодня, думаю, такая чрезмерность в убранстве торгового помещения, ставшего, согласитесь, магазином-музеем, как ни парадоксально такое мнение, и обыденна — в суете многими не замечена — и празднична, как своеобразное отдохновение от будничности, от всего типового, шаблонного, существующего еще в практике торгового строительства.

Автор проекта магазина Г. В. Барановский — инженер, архитектор и ученый, человек огромного общественного темперамента, приверженный революционным идеям, выступил в деле строительства торговых зданий подлинным новатором. В Москве Барановский был пришельцем, ра-

ботал больше в Петербурге, кончил там Институт гражданских инженеров (1885), удостоившись серебряной медали за лучший архитектурный проект. Исследования ленинградских ученых Б. М. Кирикова, С. Г. Федорова¹ и других, проявляющих все больший интерес к исканиям зодчих этой поры, обратились и к творчеству Барановского, высоко оценив этого выдающегося представителя рационалистической архитектуры и стиля модерн.

Г. В. Барановский редактировал передовой журнал «Строитель» (1895—1905), составил семитомную «Архитектурную энциклопедию второй половины XIX века» (1902—1908), ставшую незаменимым подспорьем нынешним художникам и зодчим-реставраторам, и, конечно, много проектировал и строил. Из лучших его работ исследователи отмечают дом Русского географического общества в Петербурге, в Демидовском переулке, законченный в 1907 году (ныне ул. Гривцова, 10), здание буддийского храма в Старой Деревне (ныне Приморский пр., 91), возведенное в соответствии с канонами тибетской культовой архитектуры, и др. Но главные его работы связаны с именем Г. Г. Елисеева, поручившего архитектору строительство, перестройку и оформление собственных домов и магазинов. В 1889—1890 годах в Петербурге он соорудил доходный дом на набережной Фонтанки (№ 64), выделявшийся в ряду эклектической застройки цельностью композиции и почти дворцовой монументальностью.

Следующий дом для Елисеевых вырос в 1891—1892 годах (ныне ул. Ломоносова, 14), а в 1893 году Барановский осуществил внутреннюю реконструкцию особняка на Биржевой линии Васильевского острова (дом № 14), создав «интерьеры в формах ренессанса и рококо, соединявшие уют и помпезность».

На украшение своих домов Елисеев не жалел ни красного дерева, ни дуба, ни шелка, ни золота, ни розовой и го-

¹ См.: Ленинградская панорама, 1985, № 2, с. 23—33.

лубой краски, ни... даже «нескольких Роденов» («...к ко-
ему имел пристрастие», — иронизировал современник по
поводу одной из квартир Елисеева), что, впрочем, не гово-
рило о совсем дурном вкусе хозяина.

После постройки собственного дома в 1897—1898 годах
(на нынешней ул. Достоевского, 36) Барановский приехал
в Москву, уже овладев не только теорией, но и практикой
модерна — нового, современного архитектурного направле-
ния, целиком отмежевавшегося от эклектики, подражатель-
ности и каноничности.

Первое прошение Барановского в московскую город-
скую управу о новых постройках и необходимых пере-
стройках особняка на Тверской «во внутренней его части
с увеличением окон 1-го этажа по улице и переулку» да-
тируется 5 августа 1898 года. Замысел архитектора гран-
диозен — занять всю свободную площадь владения (чис-
лящегося во 2-м участке Тверской части за № 416/447)
«по предварительной сломке строений», находящихся во
дворе, новыми домами. По Козицкому переулку построить
каменный четырехэтажный лицевой флигель, как бы про-
должающий старое здание, развернутое и в переулок, а с
противоположной стороны возвести надворный пятиэтаж-
ный флигель, соединив их тремя пятиэтажными, частью
жилыми строениями с образующимися между ними «све-
товыми двориками». Теперь на улице Горького, 14, мы мо-
жем видеть лишь одну из трех запланированных «перемы-
чек», действительно образующую «световой дворик». Про-
ект осуществился лишь частично. Все силы Барановский
устремил на полное переустройство старого дома и его
внутреннюю отделку, разрешенные в ноябре 1898 года.
Тогда же в московскую городскую управу было подано
прошение инженера В. В. Воейкова, помощника Баранов-
ского, об устройстве «теплого досчатого навеса для зим-
них работ», того самого гигантского «ящика», так поразив-
шего воображение москвичей.

Через два с половиной года, когда леса были сняты,

можно было разглядеть «щегольский фасад» нового стиля старого дома Козицкой — Белосельских. Кариатиды, появившиеся в 1875 году, сменились атлантами, утвердившимися справа и слева от центрального входа, сделанного на месте арочного проезда во двор. Уменьшилось количество дверей: их осталось три — центральная и две боковые. Совместили два оконных проема в один — получили большие витражные окна. Боковые балконы стали полукруглыми, по обеим их сторонам возникли кариатиды. Некоторая беспорядочность и пышность декора сделались сдержаннее, появились новые орнаменты и фигуры. На фронтоне, по свидетельству Гиляровского, «вместо княжеского герба белелось что-то из мифологии, какие-то классические фигуры». В целом фасад перестройки Барановского не слишком отличался от фасада перестройки Вебера, полностью уничтожившей казаковский замысел, но теперь и от интерьеров дома Козицкой — Белосельских не осталось и следа. Исчезли росписи гувернера Барбиери. Ни легендарных статуй, ни беломраморной лестницы. Первый этаж соединился с бельэтажем, расчистив жизненное пространство для магазина — невиданного дотоле сооружения, усвоившего все достижения инженерной, архитектурной практики модерна.

Может быть, легкая печаль всколыхнется в сердце читателя. В единоборстве поэзии и торговли... Неужели торговля? Отчаиваться не стоит. Просто время берет свое. И прослушивается оно в новых московских ритмах.

Много десятилетий проходит с момента проезда пушкинской героини мимо дома на Тверской, и вот уже бунинские героини спешат, пролетают вдоль главной московской улицы. Мчатся на лихачах в «сказочный морозный вечер с сиреневым инеем», несутся на извозчичьих пролетках в летний «темный, отвратительный вечер...», едут в номера, рестораны, гостиницы, на Брестский вокзал и в Художественный театр, заезжают прямо «к Елисееву за фруктами и вином». «Глухо гремят, звонят конки», скрипят рессоры

карет и колясок... К привычным звукам города добавляются и клаксоны автомобилей, и перезвон трамваев (в 1899 году от Страстной площади возьмет начало первая трамвайная линия). Неизменен только благовест московских церквей и церквушек, продолжавший поражать и жителей и приезжих. «Когда все звонят, то воздух дрожит», — пишет К. Гамсун, побывавший в Москве.

Город озаарило «Яблочково освещение» — от Тверской заставы до Иверских ворот выстроилась добрая сотня электрических фонарей. Лицо Москвы менялось. Она превращалась в европейский город в современном смысле этого слова. Ампирные дворцы теснились «самозванцами» — пятиэтажными «комодами» — доходными домами, на которые еще долгие годы возводили хулу москвичи. Шикарные купеческие особняки новомодной архитектуры сменяли «жилища бедноты». Оставалось лишь окончательно признать, что у Москвы появились новые хозяева. Образно о новом лице старой столицы написал М. Ковалевский, выпустивший в 1916 году известный сборник «Москва в истории и литературе»: «Москва, сгоревшая при Наполеоне и вновь воскрешая после его исчезновения, чтобы также плясать, пировать и играть в карты, как до него... пока не ушли тузы барства... и не пришли на смену другие тузы с Таганки и из Замоскворечья и не переделали Москвы-усадыбы в Москву-фабрику и торговую контору, Москву трамваев и небоскребов, фабричных труб и световых реклам. Пришли из глубин народных и другие живые силы и обратили столицу рабовладельцев и вольтерьянцев, с крепостными театрами и конюшнями, в столицу русского просвещения, с музеями и аудиториями, с бесплатной народной школой, с народными домами, театрами и университетами».

Новая Москва — Москва М. Ермоловой и Ф. Шаляпина, К. Станиславского и П. Третьякова, В. Ключевского и Л. Собинова, А. Чехова и Л. Андреева. На рубеже веков в Москве говорят о новых постановках МХТ, о передаче

городу картинной галереи, о памятнике великому поэту, воздвигнутому по соседству с домом на Тверской. В самом начале нового столетия Москва уже немислима без новой «достопримечательности», и увесистый справочник «Вся Москва» фиксирует ее адрес и телефон: «Елисеевы бр.» — товарищество. Вина иностранные и русские. Угол Тверской и Козицкого... Собственный дом. Тлф: 1221».

22 февраля 1985 года. Набираю номер телефона гастронома № 1 209-07-60. Хочу встретиться с его директором Анатолием Федоровичем Сорокиным. Узнав о цели моего визита за «духом» дома, он достает из сейфа солидный альбом, который я тщетно разыскивала во всех известных библиотеках — «100-летний юбилей Торгового товарищества «Братьев Елисеевых», выпущенный в 1913 году, видимо, для сотрудников и заинтересованных лиц, как говорится, для «внутреннего пользования». Здесь вся история «дела», начатого дедом основателя магазина — экономическим¹ крестьянином Ярославской губернии П. Е. Елисеевым, открывшим на Невском скромную торговлю вином и колониальным товаром. В 1825 году предприятие расширилось и перешло к его вдове и трем сыновьям, а с 1843 года знаменитая фирма оказалась под управлением двоих из них — Григория и Степана, утвердившись в 1858 году как торговый дом «Братья Елисеевы». Григорий Петрович, видно по всему, хозяин оборотистый и рачительный, завел прямые сношения с лучшими заграничными домами, провинция стала получать заморские вина и фрукты, потом присоединилась и оптовая продажа кофе и чая, деревяного и прованского масла. Елисеевские корабли бороздили моря; винные подвалы и кладовые наняты были в Оporto, Хересе и Бордо; строились хранилища в Петербурге. Скупались целые урожаи в Испании и Португалии, а выдер-

¹ Экономические — бывшие монастырские крестьяне, причисленные к государственной казне в 1764 году.

жанные и разлитые Елисеевыми вина вновь отправлялись в Лондон, Бордо и Нью-Йорк, когда вина определенных годов становились там редкостью. Участие в международных выставках приносило России высшие награды, а выдержанные здесь французские вина были вне конкуренции.

В 1892 году дело перешло к сыновьям Г. Елисеева — Григорию и Сергею, а в 1898 году Григорий Григорьевич вместо «торгового дома» утвердил на паях с капиталом в 3 миллиона рублей «Торговое товарищество «Братья Елисеевы» с отделениями в Москве и Киеве, дававшее пайщикам перед войной чистой прибыли более 110 тысяч рублей в год. К 1914 году «товариществу» принадлежало 45 заведений, включая складские помещения, целые подземные города.

Магазины Елисеева были в Петербурге: на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы — самое выдающееся сооружение Барановского, комплекс торгового дома; на Биржевой линии Васильевского острова; на Петроградской стороне — Большом проспекте; в Киеве на бывшей Никольской улице и в Москве. В доме на Тверской, № 40, помимо колониального магазина с пятью отделами (гастрономически-колонийным, хрустальная бакара, кондитерским, бакалейным, фруктовым) были еще кондитерская и колбасная мастерские, ренсковый (винный) погреб и гастрономическая кухня.

Командовал магазином на Тверской управляющий, которого в Москве знали просто по имени — Сергей Кириллович (вот он на фотографии в альбоме, солидный седобородый человек по фамилии Кадыков), а сам Елисеев, петербуржец, появлялся здесь не часто, целиком полагаясь на аккуратность своих служащих. И все же без «историй» не обходилось.

— Знаете ли вы, например, почему появился новый вход в магазин со стороны Козицкого переулка, Барановским не запланированный? Конечно, любопытный этот рас-

сказ Гиляровского помнят многие. Однажды, когда Елисеев приехал в Москву, ему доложили, что «уже три дня ходит какой-то чиновник с кокардой и портфелем, желающий говорить лично «только с самим» по важному делу, и сейчас он пришел и просит доложить».

Принимает Елисеев скромно одетого человека в своем роскошном кабинете, сидя в кресле у письменного стола, и даже не предлагает ему сесть.

— Что вам угодно?

— Мне угодно запечатать ваш магазин. Я мог бы это сделать и вчера, и третьего дня, но без вас не хотел. Я — вновь назначенный акцизный чиновник этого участка.

Елисеев встает, подает ему руку и, указывая на средний стул, говорит:

— Садитесь, пожалуйста.

— Да позвольте уже здесь, к письменному столу... Мне удобнее писать протокол.

И сел.

— Какой протокол?

— О незаконной торговле вином, чего ни в каком случае я допустить не могу, чтобы не быть в ответе.

Елисеев сразу догадался, в чем дело, но возразил:

— Магазин с торговлей винами мне разрешен властями. Это вы, кажется, должны знать.

— Власти разрешили вам, но упустили из виду, что вход в заведение, торгующее вином, от входа в церковь не разрешается ближе сорока двух сажен. А где у вас эти сорок две сажени?

Какой был в дальнейшем разговор у Елисеева с акцизным, неизвестно, но факт тот, что всю ночь кипела работа: вывеска о продаже вина перенесена была в другой конец дома, выходящий в Козицкий переулок, и винный погреб получил отдельный ход и был отгорожен от магазина».

— Не правда ли, «легкий» способ решения пробле-

мы,— усмехается Анатолий Федорович.— Церковь Дмитрия Солунского помешала!..

Продолжаю разглядывать фотографии в альбоме. На портретах — весь основной состав служащих. Сам Г. Г. Елисеев, подтянутый господин в безукоризненном фраке с «Владимиром» на шее и орденом Почетного легиона, полученным за выставку в Париже выдержанных им французских вин, никак не похож на представителей затхлой купеческой среды времен «темного царства». Он хозяин, но он и крупный знаток своего дела, учитывающий все мировые достижения производства и выдержки товаров. В редкой теперь книге, выпущенной Елисеевым в 1900 году с его предисловием, речь о главных сортах винограда и условиях их выращивания, о винах со звучными, переливающимися названиями — малага, мадера, марсала, о страшных вредителях, преследующих виноградники. И все это поучительно, обстоятельно, профессионально.

Я спрашиваю у Анатолия Федоровича, не остался ли кто-нибудь из старых сотрудников магазина? Он открывает альбом и указывает на фотографию: «М. Л. Мухин. 1908 год».

— Лет одиннадцать, не более, еще молоко не обсохло на губах, а уже мальчиком у Елисеевых, во фруктовом отделе.

В прошлом году,— продолжает Анатолий Федорович,— пришел ко мне очень пожилой человек (жалко, совсем недавно скончался), представился, Михаил Лукич Мухин, говорит, просто зашел познакомиться. Хотя и далековато жил, на Фруктовой улице (вот как судьба распорядилась!), а, видно, тянуло в юные годы. Ну, понятно, вспомнил про старое, про знаменитых покупателей (обслуживал, к примеру, не раз Анну Павлову) и про ассортимент не забыл (на улице мороз, а в магазине свежая клубника, уж как про то все рассказал Гиляровский).

С любопытным фрагментом из письма К. Дебюсси, при-

езжавшего с концертами в Москву по приглашению дирижера Кусевицкого, у которого и останавливался, познакомил нас Ю. А. Федосюк: «К концу пополудня я ходил с Кусевицким заказывать икру у Елисеева. Магазин этот напоминает азиатский дворец. Там можно найти все, что только идет в пищу. Ежедневно продается пятьсот килограммов копченого лосося. Вежливый и одетый как посольский атташе господин заверил меня, что икра прибудет (в Париж.— Авт.) свежей как слеза».

— Да, товар был всякий, но можете себе представить, сколько это стоило. Всем не по карману. Ротозеев было много. Народ не допускали.

— А сколько же проходило через магазин в день?

— Да человек 400—500.

— А сегодня? от 35 до 50 тысяч, а под праздники и того больше, и это только с учетом людей, приобретших покупки стоимостью свыше трех рублей. Притом не учитываем мощные филиалы — крупных четыре, — появившиеся у магазина в последние годы.

Мы говорим о мощностях, которыми должен обладать сегодняшний магазин при гигантском, всевозрастающем товарообороте. Мы говорим о престиже торгового работника (старый термин «коммерческая гордость», нужный каждому торговому предприятию, не кажется мне устаревшим), о добросовестном и гуманном отношении к делу; сокрушаемся об упавшей культуре обслуживания, хотя молодежь теперь и приглядывается к опыту своих предшественников. Недаром с первых лет Советской власти была поставлена задача «учиться торговать». А учиться — это значит и усвоить и принять лучшее из прошлой истории. В общем, думаю, что и опыт елисеевского ведения дела — «чистота необыкновенная», «обслуживание приветливое» — не так уж бесполезен для нашей торговли.

Гастроном № 1 претерпевал разные превращения, был и наповеским, был и коммерческим.

Я вспоминаю об интересной публикации в журнале «Москва» писем, адресованных Юлиусом Фучиком жене: Он посетил магазин № 1 во второй свой приезд в столицу СССР в 1934 году. Чехословацкий коммунист, блестящий журналист, московский корреспондент газеты «Руде право», один из ревностных защитников достижений социализма: «Здесь делаются первые главы всей будущей истории человечества...» Он, в частности, писал и о необходимости «вгрызаться в детали», чтобы лучше видеть общее, вникать в жизнь советских людей, скрытую от понимания тенденциозно настроенных буржуазных журналистов: «Вот позавчера здесь, например, открыли новый гастроном. Это огромный магазин в стиле ренессанс, который скорее похож на балльный зал... Но когда-то до революции здесь был именно гастроном, который посещала самая крупная московская аристократия и буржуазия. Говорят, что там бывало всегда полным-полно — и теперь там стоит очередь, и только в первый день гастроном посетило 14 тысяч человек. Если я дам такое вот сообщение... чем я буду отличаться от господина Бенеша (реакционно настроенного журналиста.— Авт.), который присовокупит к нему «мудрое поучение», что это, мол, и есть доказательство того, что в Советском Союзе все снова возвращается в нормальную колею? Да ничем. Потому что и сухое сообщение без этого мудрому поучения на неинформированного, а следовательно, на непонимающего читателя произведет такое впечатление, как тенденциозно заостренная статья Иржи Бенеша. Я, конечно, могу спорить: нет, ничто не возвращается, потому что до революции туда ходила буржуазия, а теперь ходит пролетариат, и я буду совершенно прав. По он, И. Б., может опубликовать — и он наверняка сделает это — прейскурант гастронома с его высокими ценами (здесь так и говорят — «гастроном» — «астроном»)... Как объяснить читателю, что вся эта роскошь благополучия, которая сейчас проявляется, представляет собой антитезу к строгому тезису героического самоотвержения, который

осуществляется в начале строительства социализма... Разве моей обязанностью не является в своем сообщении показать, что именно рабочие ходят в гастроном и почему?»

Проживая множество жизней, дом не уставал «задавать вопросы». Теперь вставал еще один, не последний: как же случилось, что под крышей храма Бахуса благополучно устроились и люди и божества? Как строгая Фемида не посчитала зазорным укрыться рядом с веселым Вакхом, а возрожденный Аполлон, бескорыстный куратор искусств, вторгся в царство Мамона?

О алоключениях слепой Фамиды, ведавшей правосудием на третьем этаже особняка, который Елисеев отдал коммерческому суду, поведал В. А. Гиляровский. О новоселье литературно-художественного кружка, расположившегося тут же, в залах над елисеевским магазином, стоит напомнить.

Литературно-художественный кружок был открыт в 1899 году в доме на углу Воздвиженки (просп. Калинина) и Кисловского переулка и постоянно менял свои пристанища. Н. Д. Телешов вспоминал, с какими нетерпеливыми надеждами артистическая и литературная Москва ожидала открытия кружка, своеобразного «дома» и «приюта», «где было бы возможно чувствовать себя свободно, отдыхать и общаться со своими людьми, с товарищами по стремлениям, попросту и без церемоний, как в своей семье».

Осенью 1901 года адрес кружка изменился. Вечером 21 октября в доме на Тверской состоялось собрание, посвященное памяти М. Ю. Лермонтова, в котором участвовали Н. Н. Фигнер и Ф. И. Шаляпин. А после огромного успеха «Травиаты» в Новом театре (ныне здание Центрального детского театра) сюда приехал и Л. В. Собинов. Юмористический «Будильник» тут же откликнулся на это новоселье:

«— Почему этот репортер здесь присутствует, а его приятель — литератор отсутствует?

— У последнего нет фрака..»

- Здесь сегодня артисты играют?
- Да, как всегда... за карточным столом...

— Интересно, сколько здесь литераторов?

— *Настоящих* всего 7, а *мнящих* себя литераторами 77...

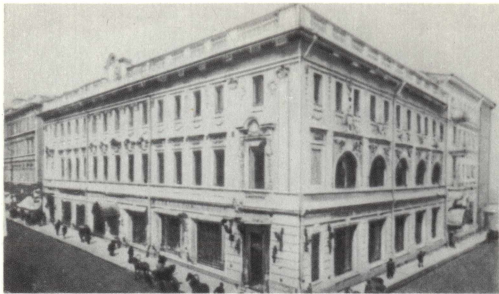
«Неприсяжный рецензент» журнальчика недоволен «сюрпризом» новоселья, ворчит, что «*бас* г. Шаляпин выступил *баритоном*», спев арии из «Демона». «Шалость» великого артиста и «баловня» толпы ему не по душе: «Если уж «баловаться», то г. Шаляпину следовало бы спеть *теноровую* арию...»

Собинов, Шаляпин, Фигнер... В доме вновь звучат великие голоса.

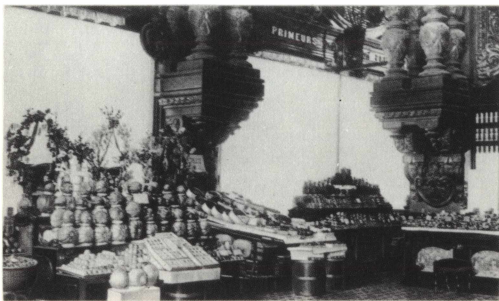
Адрес кружка, кстати сказать, своеобразного преемника старого салона и предшественника творческих союзов (рядом в доме № 16 по улице Горького теперь расположено Всероссийское театральное общество им. А. А. Яблочкиной), скоро переменится. Здесь ему стало тесно. Дом наполнился обитателями меблированных комнат, тоже благополучно разместившихся над кровом храма Мамона.

27 января 1914 года в квартире № 8 остановился М. Горький, только что вернувшийся из-за границы. 4 февраля он во второй раз обосновался в доме.

В эту трудную историческую пору упадничества среди некоторой части интеллигенции Горький скажет о необходимости пробуждения бодрости, веры в жизнь. В интервью газете «Русское слово» призовет «преодолеть... свою пассивность»: «Нужно быть с Чаадаевым, нужно быть с Пушкиным». О поэте он говорит, как «о любимой своей, сейчас основной, насущно нужной теме». В доме, где даже воздух «наводит» на Пушкина, Горький полон замыслов и деятельных начинаний: И хотя усилено полицейское наблюдение, десятки людей — студенты, молодежь — стремят-

Магазин бр. Елисеевых на Тверской улице. 1913 г.

Фруктовый отдел в магазине бр. Елисеевых на Тверской улице. 1913 г.

Гастроном № 1. Улица Горького, 14

В гастрономе № 1. Улица Горького, 14

А. М. Горький. 1901 – 1902 гг.

Л. В. Собинов в роли Альфреда
в опере Дж. Верди «Травиата»

Ф. И. Шаляпин. 1900 г.

П. А. Островский с женой Раисой Порфирьевной. Москва, 1936 г.

Комната Н. А. Островского в квартире на улице Горького, 14, где писатель работал над романом «Рожденные бурей». Государственный музей Н. А. Островского

Комната Н. А. Островского в квартире на улице Горького, 14, где писатель работал над романом «Рожденные бурей». Государственный музей Н. А. Островского

В Государственном музее Н. А. Островского, Улица Горького, 14. Стенд с книгами

ся прийти к подъезду, чтобы приветствовать своего любимого писателя.

Духовная жизнь торгового дома на Тверской продолжалась. Еще через 40 лет в биографию дома на улице Горького врезалась новая страница. Она вошла именем человека, «рожденного бурей», его мужеством жить и умением побеждать смерть.

ТОРЖЕСТВО ДУХА, ИЛИ ОДНА ЖИЗНЬ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Его жизнь — живая иллюстрация торжества духа над телом.

М. Горький

«...Звонок телефона врывается в сон и волнующие видения испуганно исчезают.

Просыпаюсь и первое мое ощущение — это мучительная боль скованного неподвижностью тела. Значит, несколько секунд тому назад это был сон, в котором я, молодой, сильный, мчался, как ветер, на боевом коне навстречу восходящему солнцу... Я не открываю глаз. Это не нужно: в один миг я вспоминаю все. Восемь лет назад суровая болезнь свалила меня в постель, приковала неподвижно, потушила глаза, превратила все вокруг меня в черную ночь.

Острая физическая боль обрушивается на меня стремительной атакой, жестокая и неумолимая. Я инстинктивно делаю первый жест сопротивления — крепко сжимаю зубы. На помощь мне спешит второй звонок телефона. Это жизнь зовет меня к сопротивлению... Жизнь вступает в свои права. Прочь страдания!»

«Утренняя короткая схватка» кончилась, как всегда, победой жизни. Начинался день Николая Островского.

Так было в Сочи, так было в Москве. Шел 1935 год. Сам Островский любил сравнивать свою квартиру с боевым

штабом. За каждый новый день, за каждую новую строчку надо было бороться.

Вспоминает писатель Марк Колосов: «Когда в разгар работы над новым романом — «Рожденные бурей» потребовалось перевести этот штаб в Москву поближе к центральным архивам, А. С. Серафимович, А. Караваева, Мате Залка и я написали письмо в Моссовет. Жилья не хватало для москвичей. Нашу просьбу не могли удовлетворить. Тогда Караваева и я написали в ЦК партии, приложив к письму журналы, в которых был опубликован роман Островского («Как закалялась сталь». — Авт.).

Вскоре раздался звонок из Моссовета: «Какая квартира нужна Островскому?»

...Нам понравилась квартира... на углу улицы Горького и Пушкинской площади.

— Это знаменитый дом! — сказала Анна Александровна. — Он когда-то принадлежал Волконским, и здесь бывал Пушкин.

Но работник Моссовета, не зная, понравится ли нам квартира, привез с собой еще одного кандидата на эту жилплощадь — солидного товарища с супругой.

— Для кого вы выбираете квартиру?

— Для Островского.

— Для замнаркома Островского?

— Нет, для писателя Островского.

— Простите, — с недоумением вскинул брови мой собеседник, — но драматург Островский давно умер.

— Так то был Александр Николаевич, а это для Николая Алексеевича.

— Признаться, не слыхал такого писателя. Что он написал?

— Роман «Как закалялась сталь».

— Ну, если ему отдадут предпочтение, значит, он того заслуживает. Придется прочитать этот роман!..

Так мы выбрали для Николая Островского новый командный пункт...»

«На новую свою квартиру,— рассказывает Р. П. Островская, жена писателя,— Николай Островский приехал 14 декабря. Вечером попросил рассказать, как расположены комнаты, как меблированы. Это не было простое любопытство. Он непременно должен был все представить себе зрительно. И вот по нашим рассказам он «побывал» во всех комнатах. Особенно его интересовал рабочий кабинет. Тут нельзя было упустить ничего. Все до мелочей он должен был знать, чтобы любой человек по его просьбе мог найти нужную книгу, нужный документ.

В комнате — самое необходимое: кровать, письменный стол — для работы секретарей, радиоприемник, книжный шкаф, диван, два кресла — для гостей. И главное, телефон.

Единственное, чего не хватало и что вскоре было приобретено,— это пианино. Без музыки он не мог...

Через несколько дней в квартире № 39, которую Островский любил почему-то называть № 3, в доме № 40 по улице Горького (Тверская была переименована еще в 1932 году, а позже изменилась и нумерация домов) праздновалось новоселье.

«В большой высокой комнате,— вспоминала А. Караваева, в ту пору ответственный редактор журнала «Молодая гвардия»,— было жарко — две электропечки поддерживали температуру летнего полдня в двадцать пять — двадцать шесть градусов.

Коля в белой вышитой украинской рубашке лежал высоко на подушках. Таким я его еще никогда не видела. Впалые щеки его порозовели, темно-каштановые волосы мягко распушились над его высоким белым лбом; какая-то особенная, сосредоточенно-счастливая улыбка освещала его лицо. И все находившиеся тогда в комнате любящие его люди весело переглядывались: так играла в каждой черте этого лица сила жизни, чудесная, неистощимая.

Разговор был веселым и шумным. Кто-то вдруг забес-

покоился и спросил хозяина — не очень ли расшумелись гости?

— Нет, нет, уж новоселье так новоселье! — засмеялся он...

...Потом мы разговорились о музыке. Он вспомнил детские годы, когда, бывало, останавливался под чужими окнами, чтобы послушать, как играют на рояле.

— Меня этот инструмент всегда притягивал к себе и изумлял чрезвычайно. Какие чудные, могучие звуки пробуждает в нем человеческая рука!.. О таком инструменте мне, конечно, и мечтать не приходилось...

Вскоре здесь зазвучала музыка. Дом вновь услышал живые беседы и споры. И жизнь казалась такой насыщенной и полной. Но «беспощадная природа» не оставляла никаких иллюзий.

«— Я спешу жить,— продолжал Островский в очерке «Мой день...» 1935 года.— Все мои желания стремительны.

— Читайте газеты. ...Фашизм, этот сумасшедший с бомбой... Никто не знает, куда и когда он швырнет эту бомбу... Угроза войны черным вороном носится над миром. Душно в Европе... Мир лихорадочно вооружается.

— Довольно! Читайте о жизни нашей страны. И я слушаю биение сердца моей Родины любимой».

Лишенный зрения, подобно древнему певцу, он видел внутренним оком, как вокруг менялась жизнь. Обстраивалась Москва, украшалась. Шире, шире становилась Тверская, словно делала глубокий выдох, освобождая жизненное пространство. Поэт прошел по ней широким шагом, и в такт его могучей поступи зазвучали стихи: «Улица — моя, дома — мои...»

Через несколько лет улица Горького, шумная в будни, бурлящая в праздники, с голосистым рокотом толпы, приветствующей отважных героев, с торжественными позывными громкоговорителей станет совсем неузнаваемой. Но по-прежнему узнаваемым будет дом.

Здесь гастропом, здесь и квартиры, переданные после революции в распоряжение Совнаркома, где живут ученые, музыканты, ответственные работники. Квартира Островского на втором этаже.

С 9 часов утра идет напряженная работа над вторым романом — «Рожденные бурей», задуманным еще в 1933 году.

Островский продолжает бороться за свой «один день»: «Я забываю все окружающее. Переношусь в прошлое. В памяти встает мятежный 1919 год. Грохот орудий... Зарево ночных пожаров... Полчища вооруженных интервентов ворвались в нашу страну...»

«Хочу рассказать этой книгой нашей молодежи о героической борьбе украинского пролетариата против кровавого польского фашизма,— пишет Островский в «Комсомольской правде» в апреле 1933 года.— Хочу показать лицо тех, кто душит трудовой народ Западной Украины и Польши виселицами. Врага надо знать. Хищный стервятник точит когти и каждый час готов кинуться на великую страну социализма.

Книга расскажет о конце 1918 года и начале 1919 года. Западная Украина — Галиция. Большой город. Немецкие оккупационные войска бегут в Германию, преследуемые красными партизанскими отрядами.

В родовом имении крупного помещика графа Могельницкого еще при немцах фашистский штаб организует и подготавливает захват власти...

На другом полюсе организуются силы революции. Молодая Коммунистическая партия Польши посылает в город члена своего ЦК, старого революционера Сигизмунда Раевского...»

К ноябрю 1935 года готовы первые пять глав романа. С января 1936 года работа продолжалась в доме.

«Пока не было секретаря,— пишет Раиса Порфирьевна в книге об Островском,— ...помогали родные: «добровольные секретари», как он нас называл. Читали ему ар-

живные документы, газеты «Правда» и «Известия» за 1918—1920 годы. Сначала прочитывались только заголовки, и Островский отбирал нужное. Отмеченные выдержки переписывались на машинке и складывались в папку с надписью: «Выжимки». Записывалось лишь самое основное, так как необыкновенная память Островского сохраняла многое из прочитанного.

В длинные зимние вечера и ночи, когда затихала жизнь на московских улицах и дом погружался в сон, Островский продумывал и шлифовал эпизоды романа, чтобы утром диктовать готовые. Все это было непросто. Островский не мог сам фиксировать складывающийся в голове текст, как делают это все писатели, не мог тут же заносить на бумагу художественные находки, которые так важны для каждого автора: удачный оборот, свежий эпитет, хорошую расстановку слов и т. д. Он ничего не мог попробовать на бумаге. Ему приходилось все удерживать в памяти до момента записи, наступавшего через много часов.

В определенное время к изголовью кровати придвигался маленький столик, за него садился секретарь. Запись велась от руки, так как в ходе работы возникали варианты и поправки. Лишенный возможности видеть готовый текст, Островский вынужден был и последнюю отделку написанного производить на слух.

Диктуя, он всегда держал в руках свою неизменную палочку. По его лицу можно было угадать, о ком и о чем он намерен диктовать».

Во всех почти письмах этого времени, отправленных из дома на улице Горького, те же слова: «Я весь с головой ушел в работу», «нажимаю на все педали».

Работает Островский в «две смены» — по 12 часов в день, и эта работа дает ему «ощущение, что он в рядах бойцов».

21 июня 1985 года. Беседуя с Раисой Порфирьевной Островский, беззаветно хранящей память о замечательном

человеке. Помимо прочитанного хочу узнать, как «ощущал» Островский этот дом, «наводящий» на декабристов и Пушкина, как и что он читал здесь, как постигал чуждую ему аристократию — ведь из этой среды одна из его героинь-гуманисток, «рожденных бурей».

— Николай Алексеевича, очень серьезно изучавшего не только художественную, но и научную литературу, не оставляла мысль: как понять жизнь и быт польской знати? Кто они, его герои? Ведь врага надо знать, не надо и забывать, что из этой среды выходили беззаветные борцы, порывавшие со своим классом и шедшие в революцию. От вдовы известного польского революционера Брониславы Генриховны Мархлевской, с которой Николай Алексеевич познакомился еще в Сочи, он узнал многие важные подробности о панской Польше, о польских обычаях, о литературе, которую стоило прочесть; да она просто доставала многие из необходимых книг. Встречался с ней Островский и в Москве, на улице Горького — дважды, беседовал, расспрашивал, вставил даже в роман «Рожденные бурей» некоторые из названных ею польских фамилий, советовался, как звучат выбранные им польские имена каждодневно, уменьшительно.

Но главным, конечно, была художественная литература. Читал бесконечно Сенкевича, Бальзака, Чехова, Горького, Толстого.

Я говорю, как меня поразило при чтении воспоминаний об Островском, что малограмотный рабочий паренек, не знавший русского языка до 1924 года, уже двадцатилетним постиг такую массу книг, что справедливо назван «неистовым читателем».

— Да, читал и перечитывал; в последние годы с нашей помощью. Лозунг для каждого приходящего был «читай!». Любил особенно прозу Пушкина.

— В библиотеке Островского, что теперь хранится в его музее, я видела десятки пушкинских книг. Знаю, что Николай Алексеевич любил и Некрасова, «Русских жен-

щин», — как же не знать о гордой изгнаннице, отрешившейся от свободы и знатности, о Марии Волконской, подвижнице и героине, освятившей жизнь дома на Тверской — его дома.

— Только не надо преувеличивать и искать того, чего не было, — говорит Раиса Порфирьевна. — Николай слишком спешил жить и работать, и о постороннем говорили мало. О М. Н. Волконской, конечно, знал, знал и о том, что в Сибирь она уезжала прямо из этого дома; интересовался, где же располагался салон Зинаиды Волконской. Мы ему подробно описывали нашу квартиру и три соседние — № 38, 40, 41, выходящие в длинный коридор. У нас почему-то считалось, что они-то и разбиты на месте исторического салона. Читал Николай Алексеевич и Гиляровского. Да и какой писатель, знакомящийся со старой Москвой, обойдет эту книгу. Спрашивал, как устроен елисеевский магазин, куда мы ходили за покупками. Я подробно ему рассказывала, описывала люстры... По тому, как он реагировал, видно было, что все это он себе представил.

Мы знакомили его с новым московским бытом, и это его интересовало особенно. Однажды попросил меня пойти в магазин и купить подарки нашей маленькой племяннице, он вообще любил делать подарки.

«Купи шубку, шапочку и валенки, все беленькое и красивое».

Страшно был рад, что вещи хорошие — мягкие, теплые. Гордился, что нашего производства, — страна так выросла, что может их сама выпускать. Вообще эту гордость за страну он постоянно ощущал, и особенно в этой квартире на улице Горького, выходящей прямо к Кремлю.

Наши друзья советовали из квартиры уехать, поменять ее на более спокойную. Слишком шумно, а Николаю Алексеевичу надо много работать. По ночам под праздники здесь шли на парад орудия и танки, и стекла в домедребезжали. Островский квартиру любил, переезжать ни за что не хотел. Он говорил, что шум дает ему ощущение

жизни: «Видеть не могу, но чувствую силу моей страны».

В этой квартире он встретил Первوماй 1935 года, — продолжает вспоминать Раиса Порфирьевна. — Кто-то стоит у окна и ему подробно рассказывает, что происходит на улице. Он слышит гром мощной техники, ликующий гул демонстрации.

С того дня прошло больше полвека. Мы сидим в квартире Раисы Порфирьевны в Безбожном переулке. Передо мной — женщина с добрым и волевым лицом. Ее я прежде видела только на фотографии, сделанной в доме на улице Горького за год до смерти Островского, — вот она, красивая, молодая, стоит рядом с мужем. С тех довоенных времен, когда организовывался музей, в квартире не живет, но с домом не расстается: четверть века была бессменным директором музея, а теперь добрый помощник во всех его делах и начинаниях.

— Болеть мне некогда, — говорит Раиса Порфирьевна, — хотя годы и сердце дают о себе знать.

Как и прежде, продолжает работать. Правда, с годами становится все тяжелее. Уже не справишься со всем потоком приходящих писем, всем не ответишь, не встретишься со множеством людей, которые ждут от нее свидетельства, рассказа, — ведь Островский продолжает свою жизнь. В школах, на предприятиях организуются музеи. Есть бригады, которые работают за Островского, а деньги перечисляют в Фонд мира. Именем писателя названа комсомольская бригада на БАМе. Корчагин, Островский — фамилии легендарные.

Потом разговор опять заходит о доме. Раиса Порфирьевна вспоминает, как весной 1935 года, когда Островский уехал в Сочи, она осталась в квартире на улице Горького, чтобы сделать ремонт. Надо было прорубить дверь в третью комнату, в которую попадали из другой квартиры, сделать все как можно удобнее.

— Все-то он знал, все-то он помнил... После ремонта просил обязательно проветрить книги, чтобы сразу при-

няться за работу. Вернувшись, в доме на улице Горького прожил совсем недолго.

В мае 1936 года Островский вновь в Сочи. Несмотря на развивающуюся болезнь, темп работы растет. «С 17 июля по 17 августа написано 123 печатные страницы». Появились новые эпизоды, полностью перекомпонован материал в 12 главах. Первый том рукописи был готов. Островский хотел знать честное мнение ведущих писателей — Шолохова, Фадеева. Полетели телеграммы с просьбой обсудить на президиуме правления Союза советских писателей новый роман совместно с «Правдой», «Комсомольской правдой», ЦК комсомола в ближайшие после его возвращения в Москву дни.

Совещание состоялось в квартире Островского 15 ноября 1936 года. Присутствовали писатели и критики Н. Асеев, В. Герасимова, М. Колосов, А. Серафимович, В. Ставский, Е. Усиевич, А. Фадеев, от «Комсомольской правды» — И. Бачелис и С. Трегуб, друзей Островского представлял И. Феденев. Председательствовал секретарь ЦК ВЛКСМ Е. Файнберг.

Слово взял Островский: «Прошу вас по-большевистски, может быть, очень сурово и неласково, показать все недостатки и упущения, которые я сделал в своей работе».

Прения были бурными. Говорили об удачах и просчетах, но общее мнение было едино: «Роман «Рожденные бурей» — новая победа писателя». Островский дал слово закончить, «довести» роман через месяц.

С утра до поздней ночи в доме на улице Горького не прекращалась работа. Иногда по 18 часов... Надо было торопиться.

14 декабря первый том был готов. Вечером того же дня Николай Алексеевич позвал своего секретаря Надежду Сенкевич и начал диктовать:

«Милая матушка! Сегодня я закончил все работы над первым томом «Рожденных бурей». Данное мною Цент-

ральному Комитету комсомола слово — закончить книгу к 15 декабря — я выполнил.

Весь этот месяц я работал «в три смены». В этот период я замучил до крайности всех моих секретарей, лишил их выходных дней, заставлял работать с утра до глубокой ночи. Бедные девушки! Не знаю, как они обо мне думают, но я с ними поступал бессовестно.

Сейчас все это позади. Я устал безмерно. Но зато книга закончена и через три недели выйдет из печати в «Роман-газете» тиражом в полтораста тысяч экземпляров, а потом в нескольких издательствах общей суммой около полумиллиона экземпляров.

...Сейчас я буду отдыхать целый месяц. Работать буду немного, если, конечно, утерплю. Характер-то ведь у нас с тобой, мама, одинаков. Но все же отдохну: буду читать, слушать музыку и спать побольше, а то 5—6 часов сна мало.

...Ты меня прости, родная, за то, что я не писал тебе эти недели, но я никогда тебя не забываю. Береги себя и будь бодра. Зимние месяцы пройдут скоро, и вместе с весной я опять вернусь к тебе. Крепко жму твои руки, честные, рабочие руки, и нежно обнимаю».

Из центра Москвы на юг, в Сочи, пошло последнее письмо Николая Островского.

Силы его оставляли. И это понимали многие. В те тревожные декабрьские дни в кабинете директора Гослитиздата Н. Накорякова состоялся следующий разговор:

«— Сейчас звонили из Союза писателей,— в волнении проговорил Накоряков.— Островскому совсем плохо... В каком положении «Рожденные бурей»?..

— Уже есть чистые листы,— ответил начальник производственного отдела.— Дней через десять получим сигнал...

Накоряков задумался. С минуту он молчал, потом сказал:

— Друзья, есть небольшое предложение... Дорог бук-

важно каждый день... Доставим Островскому радость... Может быть, последнюю... Давайте подберем листы, переплетем их и сделаем нечто вроде сигнального экземпляра... Боюсь, когда придет типографский сигнал, будет уже поздно...»

Спустя два дня сигнал был готов, и Накоряков решил лично доставить его Островскому.

«День выдался холодный, пасмурный,— рассказывал после Накоряков.— Шел я по обледенелым тротуарам и, казалось, не замечал непогоды. Думалось об Островском, и в мельчайших деталях вспоминал свое знакомство с ним в Сочи...

...Вот и улица Горького, квартира Островского над гастрономом. Быстро поднимаюсь по каменным ступеням на второй этаж и узким полутемным коридором иду в комнату. Островский, худой и бледный, неподвижно лежал на кровати головой к окну. Узнав о моем приходе, он оживился.

— Я рад, очень рад...— произнес он слабым голосом.

— Вот, Николай Алексеевич, сигнал «Рожденных бурей»,— сказал я, присаживаясь у постели Островского и передавая ему книгу.— Через несколько дней будет тираж...

Островский бережно взял книгу и с какой-то особенной нежностью прошептал:

— Как хорошо!

Этот сигнальный экземпляр романа «Рожденные бурей» был последней радостью Николая Островского».

26 декабря 1936 года его не стало.

Ему было всего 32 года.

«Моя личная трагедия,— написал Островский, заключая очерк «Мой день...»,— оттенена изумительной, неповторимой радостью творчества и сознанием, что и твои руки кладут кирпичи в создаваемое нами прекрасное здание...»

Тверская часть, владение 447,— Тверская, 40,— улица Горького, 14...

Счастлива судьба домов, ставших музеями. Улица Горького, 14,— квартира Николая Островского — Государственный музей писателя, созданный накануне войны. Жизнь торжествующего духа Островского переживают теперь тысячи и тысячи людей.

Выхожу из музея, долго стою около дома Козицкой, Волконской, Елисеева, Островского, что почти на перекрестке Пушкинской площади и улицы Горького, Страстной площади и Тверской. Вспоминаю строки поэта:

...А Тверская, а Тверская,
сея праздник и тоску,
от себя не отпуская,
проводжала сквозь Москву.
Не выходят из сознания
(хоть иные времена)
эти древние названия,
словпо дедов имена¹.

¹ Ожуджава Б. Гомон площади Петровской...— Юность, 1986, № 1, с. 20.

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМУЛА БЫТИЯ (ВМЕСТО ПРОЛОГА)	5
ДОМ КАТЕРИНЫ КОЗИЦКОЙ, КОТОРЫЕ ПОСТРО- ИЛ МАТВЕЙ КАЗАКОВ	9
АКАДЕМИЯ ИСКУССТВ И ХУДОЖЕСТВ	14
ДОМ-«ОППОЗИЦИЯ»	22
ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ	29
ХРАМ БАХУСА	34
ТОРЖЕСТВО ДУХА, ИЛИ ОДНА ЖИЗНЬ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО	49

Ирена Александровна Желвакова
УЛИЦА ГОРЬКОГО, 14

Заведующий редакцией *Ю. Александров*
Редактор *К. Стародуб*
Художник *А. Маркевич*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *О. Иванова*
Корректоры *Н. Кузнецова, В. Чеснокова*

ИБ № 3407

Сдано в набор 17.07.86. Подписано к печати 21.10.86. Л155183. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,50. Усл. кр.-отт. 4,37. Уч.-изд. л. 3,35. Тираж 75000 экз. Заказ 2067. Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Московский рабочий».
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный
бульвар, 8.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

